

Алишер Навои

ГАЗЕЛИ

Аннотация

В произведениях Алишера Навои тюркский стих достиг вершин художественности, – его газели отличает филигранная обработка, виртуозная инструментовка, семантическая игра, свежесть метафор.

Газели

То море плещет, ценный дар скрывая,
Все капли в нем – как бы вода живая.
Его равняют с царскою казной,
«Сокровищницей мыслей» называя.

Газели

Часть 1.

Ее краса – диван стихов, в нем брови в первый стих слились,
Писец судьбы предназначтал им полустышьями срастись.

Был так жесток весенний град ее небесной красоты,
Как будто самоцветы звезд небесная низвергла высь.

От стонов огненных моих все горло сожжено до уст:
Когда из уст не звук, а стон услышишь, сердце, – не сердись.

Потоки слез моих – как кровь, не утихают ни на миг,
И странно ли, что в муках я, – ведь слезы кровью налились!

Была сокрыта скорбь моя, но кубок хлынул через край,
В забаву людям боль души рыданьями взметнулись ввысь.

А ей укромный угол люб, вино да горстка миндаля –
Что ж делать, если любо ей таким даяньем обойтись!

Любимая, мелькнув, ушла, похитив сердце Навои, –
Приди ко мне еще хоть раз – хотя бы жизнь отнять вернись!

* * *

Сверкнула в темноте ночной краса ее чела – свеча,
И словно солнце вдруг взошло – светлее звезд была свеча!

Ей голову сжигает страсть, а ноги держит медь оков, –
Не потому ли от безумств себя уберегла свеча?

И каждой ночью до зари она, рыдая, жжет себя –
Печальным другом стала мне в юдоли бед и зла свеча.

Не говори, что пламя – бич: к моей бессоннице добра,
Своим дрожащим языком мне сказок наплела свеча.

Желая в сердце мотылька побегу нежности взрастить,
В него роняет влагу слез и зерна без числа свеча.

Не для того ль, чтоб погубить пожаром страсти мотылька,
Ему лукаво подмигнув, свой лик-огонь зажгла свеча?

Та луноликая меня не допустила в свой шатер, –
Не так ли дразнит мотылька огнем из-за стекла свеча?

А может быть, из-за любви она сгорает и сама,
И опалает мотылька, чтоб он сгорел дотла, свеча?

Пусть, Навои, светильник твой задует вздохи мук твоих,
Блеснул тот лик – твой ветхий дом сияньем залила свеча!

* * *

У любимой над крышей не голуби стайей кружат,
Это перы, как птицы, слетелись для нег и услад.

Или ангелы стайкой сюда устремили полет,
Над любимой кружатся, тая очарованный взгляд?

Или это плененных ее красотой сердца,
Словно легкие птицы, над крышей спускаясь, парят?

Или голуби вьются и письма влюбленных несут,
Вновь парят и взмывают, не в силах вернуться назад?

Дай вина, виночерпий, поймаем с тобой голубей –
Я по той, что их кормит, смертельной печалью объят.

Голубь, что ты скрываешь под шелковым пухом крыла?

Передай ей записку, где строчки тоскою горят.

Навои, ты, как голубь, к ногам луноликой слети
И, взмывая крылами, пари и спускайся стократ.

* * *

Встречай вином и вечер, и восход,
Лишь кабачок – спасенье от невзгод.

Налей фиал, что на тюльпан похож,
Едва лишь день тюльпаном расцветет.

Пей дотемна, ночь освежит твой вздох
Прохладой, спустившейся с высот.

Пей до поры, когда светило дня
В степи небес, как странник, побредет.

И кубок свой из рук не выпускай:
Хозяин не назначил чашам счет.

Когда твой рок послал тебе беду,
Изменишь ли его круговорот?

Ты, Навои, в тернистых путах зла –
Поддай, господь, спасенье от тенет!

* * *

Кто на стезе любви един, в ком суть одна жива,
Земле и небу он – не враг, хотя число их – два!

Забудь привычку различать растение, тварь и вещь:
Три этих сути не в ладах с единством естества.

На небо хочешь – отрешись от четырех стихий:
Они – как крест, губящий дух живого существа.

Пять чувств – не помощь мудрецу: где сердцем не поймешь,
Там два да три – как будто пять, да суть не такова!

Шесть направлений, шесть сторон – вся суть небытия,
А без того их имена – ненужные слова!

Проникнуть через семь небес противно естеству:
Они страшней кругов в аду – семи зияний рва.

Чуждайся рая, Навои, – восьми его кругов:
Они – преграда для любви, в них суть любви мертва.

* * *

Скиталец горький, страсть таю я к пери чудной красоты,
Дивится мир на страсть мою, меня ж дивят ее черты.

Ты лечишь жар, что грудь мне сжег, ко мне летящим ливнем стрел:
Подобен каплям их поток, прохладу льющий с высоты.

Ты, сердце, – воин, вражий стан тебе грозит – кольцо скорбей,
А пятна незаживших ран – твои багряные щиты.

Что это – красных перьев цвет, венчающих тростинки стрел,
Иль моим сердцем струи бед – потоки крови пролиты?

К тебе письмо – мой страстный зов – придет ли? Грозен суд
людской:

Скрыть твоё имя я готов – спасти тебя от клеветы.

Красивым пологом одет приют веселья и вина:
Над ним сияет солнца свет, и выси горние чисты.

Над розой соловей притих, но налетит тяжелый град –
Увянет роза уст твоих – засохнут нежные цветы.

«Не стоит, – говорят, – любви жизнь не отдавший за любовь», –
Пусть за любовь, о Навои, сто жизней будут отняты!

* * *

Да, верным людям дарит рок мучений и невзгод немало,
Он на страданье их обрек – обид и мук им шлет немало.

Нешадны тяготы опал, и верных на земле не сыщешь:
Их прахом бедствий осыпал сей древний небосвод немало.

Лекарства от небесных бед не отыскал никто вовеки:
В ларце судьбы их нет как нет, и не смягчится гнет нямало!

Желанным перлом обладать желаешь – жизнь отдай и душу:

Мир ценит эту благодать и за нее берет немало.

О шах! Мужей благой стезей не устрашай мечом гонений,
Кровавой карой не грози – бездольных страх неймет нимало.

Освободи свой дух смелей из клетки суетных желаний:
Плененный страстью соловей грустит в плену тенет немало.

О Навои, лелей мечту о кушах цветника иного:
Ведь от ворон в мирском саду и бедствий, и забот немало!

* * *

Увидев чудный образ твой, томим любовью страстной стал я,
Душой и сердцем слит с тобой, наверно, в день злосчастливым стал я!

О, сколько я твердил тайком: «Мне б от тебя отвадить сердце!» –
Но день за днем сильней влеком к тебе, моей прекрасной, стал я.

«О, будь верна!» – я пал пред ней, она ж, меня вконец измучив,
Сказала: «Жертвой будь моей!» – и жертвою безгласной стал я.

Ты говоришь мне: «Кто ж, любя, таким безумьем прегрешает?» –
На все готов я для тебя: твоим – о, дар напрасный! – стал я.

Живой водою я владел, и кубок Джама был со мною –
О кравчий, нищенский удел терпеть, на все согласный стал я.

И не исходит стон немой, о Навои, из струн печальных,
Мой стон немой – совсем не мой: рабом тоски всечасной стал я.

* * *

Бездольный в рубище одет, и люб простой наряд ему,
А шитый золотом – о, нет! – не подойдет халат ему.

Кто в отрешенье пал во прах и головой на камень лег,
Что ложе в золотых шатрах и мишура палат ему!

Шах жаждет миром завладеть, дервиш бежит от мира прочь, –
Что шах дервишу! Сам заметь: о нет, он – не собрат ему.

От сути шахских дел-тревог дервиш заботою далек:
В величье власти что за прок, и будет ли он рад ему?

Прах отрешенья бедняку любезней шахского добра:
Свой век во прахе – не в шелку! – влачить – сей жребий свят ему.

Шах двинет рать со всех сторон, а бедняков не утратит,
Но и один бедняцкий стон опасностью чреват ему.

Величью шаха дарят свет скитальцы праведной стези:
Они – как солнечный рассвет и просветляют взгляд ему.

И пусть навечно шаху дан его высокий жребий, – все ж
Дервишем стать, забыв свой сан, – превыше всех наград ему.

Хоть нет в умах других владык таких стремлений, добрый шах
Благих высот уже достиг, и люб такой уклад ему.

Порой в дервише шаха зришь, а в шахе суть дервиша есть, –
«Ты – видом шах, душой – дервиш», – так люди говорят ему.

Шах и дервиш покуда есть, да чтут они завет творца:
Служить дервишем – шаху честь, они ж – верны стократ ему.

Не от гордыни не умолк и нижез речи Навои:
Лишь милость шаха и свой долг так говорить велят ему.

* * *

О, мне бы крылья! Ввысь взлетев, летел бы вдаль, людей забыв,
Сгорели б крылья – побежал, подальше, прочь – пока я жив!

О, я покинул бы сей мир, и, пусть не дан мне дар Исы, –
Мне вместо крыльев – пыл души и одиноких дум порыв.

Увы, союз с людьми – тщета: я, пленник тысячи скорбей,
Готов единожды спастись, тысячекратно жизнь сгубив!

От друга – тысячи обид, и сотни бедствий от врагов,
И – за себя жестокий стыд, и – гнев людской несправедлив.

Мне не смотреть бы на людей, а растворить бы чернь зрачков,
Всею чернотой тех чернил себя навеки очернив!

Для птицы сердца моего мал вещей птицы дальний путь:
Я тверд душою, как гора, и дух мой тверд и терпелив.

Когда б не шахской дружбы плен, как Навои на свете жить,
Привязанности к двум мирам ни на волос не сохранив!

* * *

На всех влюбленных в ту луну быть рабскому клейму,
Заменит прах с ее следов для их очей сурьму.

Зачем не кряжи дальних гор? Мне хватит и того,
Что я и гору бед моих до неба подниму!

Я стал добычей воронья – о небо, пощади,
Не прибавляй своих когтей к терзанью моему.

Пусть шах в атласе и в венце – мне дорог вид иной:
Узбек мой ходит в колпаке, и люб халат ему.

И, рад уюту погребка, я не пойду в цветник:
Я розоцветный хмель налью – страдания уйму.

Когда тебе уж пятьдесят, смиреньем запасись:
Довольно буйства юных лет и сердцу, и уму.

Суров кумир твой, Навои, и милости не жди:
Подачек ждать не позволяй рассудку своему!

* * *

Он любить мне запрещает, простодушный, кроткий шейх!
Э, какой там кроткий! Злыдень, мерзкий пес в чесотке, шейх!

Что в вине твоём соринки, если даже коврик свой
После омовенья стелет в луже посередке шейх!

В море лжи и лицемерья, духом алчности гоним,
Посохом-веслом махая, плавает, как в лодке, шейх.

Яркий свет ума и веры разве может излучать
В заблуждениях погрязший разум твой короткий, шейх?

Сеть обмана расстилает для доверчивых людей,
Сделав зернами приманки погремушки-четки, шейх.

В ярости он – хищник дикий, похотлив – как грубый скот,
Хоть и кажется двуногим по прямой походке шейх.

На людей похожим станет разве только в кабачке,

Если хмелем бренной влаги пополющет в глотке шейх!

Если меж твоих собратьев я бы честного нашел,
Я рабом ему служил бы, радуясь находке, шейх!

Ты себя считаешь мужем, а наряд твой так цветист,
Что под стать лишь пестрой птице или глупой тетке, шейх!

Простодушна юность в дружбе, к ней стремится Навои,
Не беда, что дружбу тоже запрещает кроткий шейх!

* * *

Моя безумная душа в обломках сломленного тела –
Как тот безумец, что притих среди развалин онемело.

Краса твоих рубинов-уст чудесно оживляет мертвых –
То, верно, на живой родник дыханье божие слетело!

Жемчужины твоих зубов как будто в раковине скрыты,
Улыбка створки разомкнет – гляжу на блеск оцепенело.

Стекая, медленно дрожит в моих ресницах капля крови –
То, в капле влаги отразься, наверно, роза заалела.

Я стан твой вспомню – и в строке все недописанные буквы
Прямы, как в слове «джан» «алиф», что выводил писец умело.

Всю жизнь отдам я за тебя, любовь моя, ты – совершенство:
Как среди тварей человек, ты меж людьми царишь всецело!

И если хочешь, Навои, чтоб людям смерть не слала горе,
Про горе не слагай стихи, в которых бы страданье пело!

* * *

Вчера я с луноликой был – ах, это сон, виденье, бред!
О, нет, не бред: где нету сна, там сновиденья тоже нет!

Поверженного сердца зов – то о свидании мольба, –
Так нищего немой вопрос завесою стыда одет.

Ах, очи на твоём лице – как буква «айн» на строчках книг,
А пятнышки в твоих очах – как на нарциссах точек след.

И стан мой немощью согбен перед красой того чела –
Так меркнет месяц в небесах, сияньем солнечным задет.

Слезами орошу я путь – мой кипарис сюда придет:
Проглянет, словно бы росток, живую влагою согрет.

Мечом измены, как калям, засохший стан мой расщеплен,
Мой стон немой – словной не мой: камыш засох – напевам вред!

Как животворна влага уст, но Навои не пить нектар,
И Хызра век не для него: ему не видеть долгих лет!

* * *

Она, покинув пир, ушла, и села на коня, хмельна,
А я к стопам ее приник, с мольбой держась за стремяна.

Нет, мне ее не возвратить, но я бы в жертву жизнь принес,
Лишь силой чуда бы она была на пир возвращена!

Торопит всадница коня – и сердце падает в груди,
Мечом обиды ранен я, жестоко грудь уязвлена.

Зачем не насмерть я сражен? Не легче ль муки мне пресечь,
Чем торопить в обратный путь и гнать сквозь темень скакуна?

Как горько одиноким быть на горьком пиршестве скорбей:
Нарушен сердца сладкий сон, душа покоя лишена.

От век так заведено: кто чашу радости вкусил,
Сто кубков горечи тому судьба велит испить до дна!

Я в одиночестве умру. Не диво ль – преданность моя
Ответной верностью в любви ни разу не награждена.

Когда белеет голова, с уединением смиришь,
Ведь не украсит юный пир ни грусть твоя, ни седина!

Неверную не возвратишь. К чему ж терзаться, Навои?
Смотри: ты бледен, стан дрожит, душа печалью смущена.

* * *

Если в юности ты не прислуживал старым,
Сам состаришься – юных не мучай задаром.

Старость близится – будь уважителен к старцам,
Но от юных не требуй служить себе с жаром.

Распалившийся хмелем, подвыпивший старец –
Как старуха, что красится красным отваром.

Будто розы и листья пришиты к коряге,
Вид у пестрой одежды на старце поджаром.

Если мускус твой стал камфарой, не смешно ли
Камфару или мускус искать по базарам?

Постарев, обретишь и почет, и почтенье,
Притворишься молодым, обречешь себя карам.

Если в юности ты не роптал и смирялся,
Как состаришься – время ли спеси и сварам?

Благодатна судьба у того молодого,
Кто чело не спалил вожделением ярым.

Если похоть жжет старца чесоточным зудом,
В нем как будто пороки смердят перегаром.

С юным кравчим, со старцем-наставником знайся,
Если тянешься дружбой и к юным и к старым.

Навои прожил век свой в погибельной смуте,
Хоть почтен был и славой и доблестным даром.

* * *

О сердце, столько на земле враги вреда нам сделали,
Что даже преданность друзей сплошным обманом сделали.

Чадит от жара голова, как будто камни горестей
Пробили в куполе дыру – его с изъязном сделали.

На голове – не чернь волос, то – налетели вороны
И гнезда там, чтобы припасть к кровавым ранам, сделали.

От тьмы измены небосвод оделся черным войлоком,
А зори, ворот разорвав, рассвет румяным сделали.

Поддай вина! Ведь мудрецы давно открыли истину:

Не солнце, а светила чаш рассвет багряным сделали.

Кааба или кабачок, о Навои, – пристанище:
Ведь их себе печаль и грех защитным станом сделали.

* * *

О таинствах любви – у тех, кто раб ее оков, спросите,
А тех, кто счастьем наделен, про радости пиров спросите.

Любовь и верность – наш удел, другой обычай нам неведом,
А про неверность – у дурных – в чем суть ее основ – спросите.

Нас жалкой немощью гнетут заботы времени и старость –
О красоте и силе – тех, кто молод и здоров, спросите.

Для бессердечного ничто – сердец восторги и крушенья, –
Про сердце – лучше у того, кто знает сердца зов, спросите.

Не знает преданный в любви повадок пленников порока,
Об этом – нас, познавших мрак порочных тайников, спросите.

Мужей почета и чинов про отрешенность не пытайте,
О сладких тяготах ее у нищих бедняков спросите.

Вся сила пленников любви – во прахе немощи смиренье,
А как смирять врага – у тех, кто дерзок и бедов, спросите.

Неведом людям суеты благой приют уединенья –
Уж если спрашивать о нем, снискавших тихий кров спросите.

В пустыню горестной любви друзьями Навои отторгнут,
О нем – случайный караван, бредущий из песков, спросите.

* * *

Пустословя на минбаре, вволю чешет шейх язык,
Словно дьявол, он колдует в своре темных забулдыг.

Если проповедь случайно просветлит умы людей,
Их тотчас же усыпляет шейха исступленный крик.

Все ступени у минбара устилают вздор и ложь,
Бред – все поученья шейха, сам он – взбалмошный старик.

Умными прослыли шейхи, а умен ли хоть один?
В их нелепых заклинаньях разума не бьет родник.

От хадисов лишь названья сохраняют их слова,
Вкривь и вкось толкуют шейхи главы из священных книг.

Разрубить минбар на части, разнести его, поджечь,
Чтоб кровавого убийцу жребий жертв его постиг!

Злыдней, дьяволу подобных избегай, о Навои,
И не дай себя опутать их сетями ни на миг!

* * *

Украшишь ты свой наряд красным, желтым, зеленым,
И пламенем я объят – красным, желтым, зеленым.

В пустыне моей любви кострами горячих вздохов
Самумов вихрится ряд – красным, желтым, зеленым.

Цветник твоей красоты в душе моей отразился,
И блескам цветов я рад – красным, желтым, зеленым.

Рубиновое вино, литое золото чаши,
Зеленая гроздь горят красным, желтым, зеленым.

Где бедность – там пестрота, и каждый нищий сумеет
Украсить бедный халат красным, желтым, зеленым.

Не требуй же, Навои, диван разукрашивать ярко:
Ведь сами стихи пестрят красным, желтым, зеленым.

* * *

Когда, тоскуя по тебе, я розу в цветнике возьму,
Мой жаркий вздох чадит и жжет – она желтеет в том дыму.

Я думал, рок всю тяжесть мук Фархаду и Меджнуну дал,
Потом я понял: жребий бед мне предназначен одному!

Ее каменьев тяжкий град проник сквозь боль отверстых ран –
Как сердце милой, этот груз в себе храню я, как в дому.

Моя наездница лиха, ей любо на скаку играть;
Что ж, нужен ей для гона шар – с себя я голову сниму.

Ах, нечестивица! К беде она попалась мне в пути:
Вот приключилось горе мне – погибель вере и уму.

Не диво, если, охмелев, рассвет я встречу в кабачке:
Вчера собрался я в мечеть, да позабыл надеть чалму!

Спален любовью, Навои клеймом каленым сердце сжег:
Оно язвит и жжет меня, а жар я сам даю клейму!

* * *

Осрамился я – но пьяный сок земной тому причиной.
Пью вино, но несравненной стан прямой тому причиной.

Если друга мучит пери, не она, а он виновен.
Коль в шального камень кинут, сам шальной тому причиной.

Если кто от скорби сохнет, небо в том не виновато,
Но, что скорбь в скорбящем чует дух родной, тому причиной.

Про луну лепечет глупый, привораживая пери, –
Люди верят в заклинанья: ум пустой тому причиной.

Жизнь дарующий убийца! Я умру, в том нет позора.
Если смерть милей мне жизни, холод твой тому причина.

Хоть тебя я проклиная, льешь ты кровь мою жестоко,
Проклинающий отступник сам собой тому причиной.

Навои, вина не пьешь ты, ждет напрасно виночерпий, –
Образ грозный, голос нежный – роковой тому причиной.

* * *

Не спросила – сердце друга трепетать давно ли стало?
Оскорбленное, тем боле замирать от боли стало.

Раны кровь не успокоил, не унял рубин подруги.
Видеть струи слез кровавых ей забавно, что ли, стало?

Я хотел вином рубина отогнать свои печали,
Но в безумье впало сердце и чернее смоли стало.

Сердце, на горе терпенья ты живешь, но все нагорье

Смыто паводком любовным и ровней юдоли стало.

Навои, ты жемчуг нижешь из росу своей ланиты,
И тебя лишь стихотворство утешать в недоле стало.

* * *

Как от вздохов безнадежных дым струится, посмотрите!
В ночь разлуки море горя как клубится, посмотрите!

От луны письмо доставив, в грудь мою вонзила когти
И с моим кровавым сердцем взмыла птица – посмотрите!

Родинка на подбородке – волшебство индийских магов,
А под ним михраб явила чаровница, посмотрите.

У меня душа стораёт от любовной жгучей жажды.
Два рубина, влаги полных, ей криница, – посмотрите.

И глаза ее, и губы взяли в плен мою свободу,
В них так сладостно и властно смех искрится, посмотрите.

Тщетно Шествующий ищет, хоть и полон мир Желанным.
Боже! Он страданья просит, он томится, посмотрите.

Навои в стремленьи к другу перестал быть сам собою,
Взял он посох, и на теле – власяница – посмотрите!

* * *

Я желтухой болен, кравчий. Весь в осеннем цвете яром,
Где ж вино, что охмеляет винограда желтым даром?

И лицо мое, и тело – листья желтые на ветке.
Пожелтели – кто ж излечит их целительным отваром!

И в очах зрачки с белками стали желты, как тюльпаны.
Что за хворь? Той розоликой жечь меня дано пожаром!

Говорят, очам полезно видеть желтое – ах, где же
Кипарис в одеждах розы, что пылает желтым жаром?

Желтоперой птицей ночи стал среди полдневной стаи
Пожелтелый день разлуки, что сражен судьбы ударом.

Если ж не больны желтухой ночь и утро, отчего же
Ночь распустит кудри, солнце лик свой рвет – в рыданье яром?

Желтизну больного тела Навои скрыл в прахе скорби –
Так вот нищий в землю прячет золото в кувшине старом!

* * *

Пусть сто тысяч звезд-жемчужин сыплет с высей небосвод –
Туча бедствий неизбежно град печали принесет.

Знает рок одну заботу, низвергая этот град, –
Обломать побеги жизни, саду тела слать извод.

Каждый, кто обижен долей, знает злобный рок небес,
Но судьбу, старуху злую, благодетелем зовет!

В океане сотворенья небо – мелкий пузырек,
А пузырь хоть каплю влаги даст ли от своих щедрот?

Если б небо было в силах хоть на миг найти покой,
Разве так оно спешило б – день за днем, за годом год?

Небо, как и я, – в смятенье, смущено своей судьбой:
Как меня в кругу терзаний, мчит его круговорот.

Синева на теле неба – от ударов злой судьбы:
Как ни мчится, мне подобно, а до цели не дойдет!

Нет могущества у неба, и слабы мы наравне,
И вовеки мы не можем друг от друга ждать отчет!

Навои, коль правду ищешь, знай, что сущ один лишь бог!
Нету сущего вне бога, правду бог в себе несет!

Часть 2.

У пери – точка вместо уст, бог дал ей чудо чуд – уста.
Дивятся люди на нее: да полно, есть ли тут уста!

Мессия сшил своей иглой ее сладкоречивый рот, –
Лишь вздохи смерти, подступив, раскроют и сомкнут уста.

Все розы замерли в саду пред розоликою моей:
Открыли для молитв о ней, а не для нег и смут уста.

Не удивляйтесь, что она то ранит словом, то – живит:
Как у Мессии, нежен рот, но злые речи льют уста.

Окружье твоего лица напоминает солнца круг:
Нет точки циркуля на нем, искать – напрасный труд – уста.

Послушай шепот уст моих – слова их только о тебе,
Но жизнь покинуть срок придет – и вздохом изойдут уста.

Большую чашу, кравчий, дай! На мне как будто сотни уст, –
От лютой жажды исцелит ведь лишь такой сосуд уста!

Послушай, хочешь уберечь ты тайну сердца своего, –
Не подражай бутонам роз: пусть губ не разомкнут уста!

* * *

Когда тюльпаны зацветут на брошенной моей могиле,
Знай: пламень сердца рдеет тут, здесь раны кровь мою пролили.

О, злы уколы стрел твоих – из ран ручьями кровь струится,
А ты еще мне раны шлешь – ах, стрелы глаз не жестоки ли?

Обитель тела не нужна сраженному безумьем сердцу:
О доме вспомнит ли Меджнун, блуждая средь песков и пыли?

Когда о бедствиях моих, друзья, рыдал я в ночь разлуки,
Что значит этот ливень слез – вы хоть бы раз меня спросили!

И даже Ной – мне не чета: сто тысяч лет разлука длится,
Взметнулась к небу буря слез, потоп – не ровня ей по силе!

О ты, кто на пиру мирском изведаль чаш круговращенье,
Знай: много чаш кровавых слез тебе дары небес сулили.

О Навои, когда во сне увидишь свой предел родимый,
Не говори, что вздорен сон, что в снах безумца нету были!

* * *

Светом ночи взойдет моя дева-луна,
Западня ее кос непрозрачно темна.

Темнота людям очи затмить норовит,

Но любимой моею светлы времена!

А меня отрешила от дружбы своей. –
Вот какая недоля еще мне дана!

А с такою бедой я и жить не смогу,
Кличу смерть я – сошла на меня тишина!

В утро Судного дня мне прозреть лишь дано,
Чашу мрака ночного испил я до дна.

Верных роз не бывало в мирском цветнике. –
Замолчи, соловей, твоя песнь не нужна!

А умрет Навои – вы не пойте о нем:
Лишь споете ту песнь – всех погубит она!

* * *

Узор твоих волнистых строк теперь в душе моей живет,
Что ни алиф, то стройный стан в воображении встает.

Нет, не письмо прислала ты, а светозарный талисман,
Он горе в радость превратил, дом озарил моих невзгод.

Сияют нити дивных строк, и в плачущих моих глазах
Кровавые прожилки их пылают ночи напролет.

Иссохший, немощный, я сам похож на трепетную нить.
И корчится она в крови, что из обоих глаз течет.

Возлюбленная – всех милей, и драгоценен каждый знак,
Что истомившейся душе весть о любимой принесет.

О щедрая, ты не письмо – ты нищему алмаз дала,
В руинах дней своих никто таких сокровищ не найдет.

Будь счастлив, Навои: пришло ее желанное письмо –
Оно тебе от всех скорбей освобождение дает.

* * *

О мой алмаз, по ком тоску душа и плоть хранят,
Как две жемчужины живых, что в двух ларцах горят.

Войди в цветник, и пусть, узрев твой кипарисный стан,
В смятенье ирисы придут, как в бурю, задрожат.

Смотреть на розу перестал влюбленный соловей,
Увидев, как проходишь ты через цветущий сад.

В науке похищать сердца так преуспела ты,
Что некого на всей земле с тобой поставить в ряд.

О виночерпий, дай взгляну на чистое вино –
На светлой глади отражен ее знакомый взгляд.

Да, если хочешь, чтобы враг надежней друга стал,
То с другом не входи к врагу – и кончится разлад.

Кем оказался Навои в огне своей любви?
Он – словно нищий на костре, он пламенем объят.

* * *

Кипарис подобен розе увлажненной, – говорю.
Уст рубин вино подобен – я, влюбленный, говорю.

Бровь ее мне станет кыблой – сердцу моему приют.
Эта бровь – что свод михраба, – преклоненный, говорю.

Сердце плачет кровью, вижу через трещину в груди.
В скорби о ее рубинах – я, пронзенный, говорю.

Не со звездами сравню я красоту ее лица –
Мир сияет, словно солнцем освещенный, – говорю.

Как душе освободиться от безумия оков, –
Каждым волоском любимой оплетенный, говорю.

Что атлас нам златотканый! Лучше – бедности пола.
Ты и в рубище прекрасна, – умиленный, говорю.

О, не отводи ты взгляда в сторону от Навои!
Он влюблен в тебя навеки – я, плененный, говорю.

* * *

Занемог я, покинут моей чаровницей, увы.
Для души стало тело лишь ветхой темницей, увы.

Мрак разлуки с любимой и родинкой темной ее –
Вот пятно на ланитах судьбы мрачнолицей, увы.

И предвестницей горя любви моей злая звезда
В гороскопе предстала блаженства денницей, увы.

Посмотри: старец-разум, наставник заботливый мой,
Стал игрушкой детской, смирясь над шутницей, увы.

Словно призрак, блуждаю в пустыне безумий моих,
Скорбен дух. Дни унылой бегут вереницей, увы.

Тело странствует ныне по улице райской твоей.
Много ль бедному нужно? Я сыт и крупницей, увы.

Сердце взято любовью, все отнято: разум, покой,
Все разрушено шаха жестокой десницей, увы.

Пламя ада – неверным, а верным – забвения прах:
Те восстали, а этих рок смял колесницей, увы.

Расставание – смерть, смерть – разлука навек, Навои!
А мечту о бессмертии считай небылицей, увы!

* * *

В мой дом, разгорячась, вбежала с вечернею звездой она,
Испариной омыла розы, как розовой водой, она.

Ресниц разбойничьи кинжалы – похитчики моей души,
Прядь амбровым жгутом спустила на стан свой молодой она.

Приют мой темный озаряет солнцеподобный лик ее.
Я на свету дрожу пылинкой, – не луч ли золотой она?

Взяв за руку меня, смеется, сажает около себя,
Пересыпает слов алмазы, сверкая красотой, она.

И говорит: «Печальный друг мой, как поживаешь без меня?»
Что я отвечу ей? Скovala язык мой немотой она.

Кувшин с вином она открыла и кубок полный налила,
Пригубив, молвила с упреком, с лукавой прямою она:

«Скажи, Меджнун, не сновиденье ль, что разума лишился ты?

Испей вина, открой мне душу, какой живет мечтой она?»

Я выпил, потерял сознание, к ногам возлюбленной припал, –
Не хмель сразил меня – сразила своею добротой она.

Тому, кто в снящемся свиданьи, как Навои, блаженство знал, –
Не спать до воскресенья мертвых: сон сделала бедой она.

* * *

Чаша, солнце отражая, правый путь явила мне.
И раздался голос чаши: «Друг твой отражен в вине».

В чаше сердца – образ друга, но и ржавчина тоски,
Лей щедрее влагу в чашу, исцелюсь тогда вполне.

Если есть такая чаша, то цена ей сто миров.
Жизней тысячу отдам я, с ней побыв наедине.

С тем вином – Джемшида чашей станет черепок простой,
И Джемшидом – жалкий нищий, жизнь нашедший в том вине.

Мальчик-маг, когда пируют люди знания в кабачке,
Чашу первую ты должен поднести безумцу, мне.

И едва лишь улыбнется в чаше сердца милый лик,
Все, не связанное с милой, вмиг потонет там на дне.

Обрету я миг свиданья перед чашею с вином, –
Кто сказал «вино» и «чаша», видит встречу в глубине.

Только есть другая чаша и другое есть вино,
Что там ни тверди, отшельник, возражая в тишине.

Навои, забудь о жажде. Кравчий вечности сказал:
«Чаша – жажде утоленье, мудрость пей в ее огне».

* * *

О мечта моя, стройнее, чем алиф, твой тонкий стан,
Лик твой – камень драгоценный – в утешенью сердцу дан.

Так изящно ты смеешься, что соперницы твои
Пламенеют от смущенья, словно роза иль тюльпан.

Что дыханием Мессии я назвал твои слова,
Ты прости: не чужд ошибок иногда и сам Коран.

Я сказал, что отзовется вздох мой в сердце у тебя,
Но едва ль он будет слышен там, где лютня и тимпан.

Навои! Всем людям страсти песнь мученья твоего
Разорвет на части сердце, истомленное от ран.

* * *

Ветер утра! Все любимой, чем душа полна, – скажи.
Станом – кипарис, а ликом – роза мне она – скажи.

То, что ради уст-рубинов тщетно лью я кровь свою,
Ей, среди пиров сидящей с чашею вина, – скажи.

Все о горечи желаний, яде вин и крови слез
Той, чьи губы слаще меда, речь умом полна, – скажи.

Говоря: зачем в разлуке стал печален твой удел,
Это слово ночи сердца, что навек темна – скажи.

То, что ради милой девы честь и имя я забыл,
Всадник сердца, в дол разлуки правя скакуна, – скажи.

Чудотворец! Дней начало мятежом отметил я,
Озарит ли луч прощенья эту тьму до дна – скажи.

Нет несущей утешенье. Путник, видя Навои,
О тоске его и горе той, что так нежна, – скажи.

* * *

То не заросли тюльпанов – то стенанья пал огонь,
Не пожар зари – разлуки в мирозданье пал огонь.

Пламя щек твоих способно сжечь мое жилье дотла.
На бездомного скитальца в час свиданья пал огонь.

Войско моего терпенья блеск твоих ланит спалил,
Караван грозой застигнут – гром, сверканье! – пал огонь.

Вспыхнул я, сгорел и умер, лишь открыла ты лицо,
На меня от молний взгляда – о страданье! – пал огонь.

Навои, когда вздыхаю я о ней, то говорят:
«На леса Мазендарана молнии упал огонь!»

* * *

Всегда кричит моя душа, едва ее обидят злом;
Известно, что огонь шипит, когда в него мы воду льем.

В разлуке с милою моей мне даже радость – не светла,
Но в сердце даже скорбь о ней втекает радостным лучом.

Когда она душе моей прекрасной пери предстает,
Я странного не нахожу, Меджнун, в безумии твоём.

О виночерпий, верный друг, ты возвратил душе покой,
Ты мне отраду подарил свои целительным вином.

Пускай забвение душе подарит первый же глоток,
А то от злой моей тоски душа покинет тела дом.

Перед красавицей моей от чаши глаз не подниму, –
Всему я в этом кабачке научен мудрым стариком.

С последней мыслью о тебе несчастный умер Навои,
А ты сама хоть век живи, хоть век не вспоминай о нём.

* * *

Вот весна, но роза счастья для меня не расцвела,
Ни один бутон улыбка светом алым не зажгла.

Люди чашею свиданья сотню раз упоены.
Но судьба и этой чаши мне и капли не дала.

Людям молния свиданья озарила сердца мрак,
А в меня степных колючек не одна вошла игла.

Раны сердца, как тюльпаны, потому что та, чей лик,
Как тюльпан, в края родные в день весенний не пришла.

Что смертельны эти раны, как же может тот понять,
В чьей душе мечом кровавым скорбь разлуки не прошла!

В пламень горького безумья ввергнут бедный Навои;

Если постоишь с ним рядом, то и сам сгоришь дотла.

* * *

Лик твой, зеркалом сверкая, в мир бросает сто лучей,
Даже солнца свет слепящий превзойден красотой твоей.

В жажде жизни дышит солнце ветром улицы твоей –
Ведь в дыхании Мессии излечение всех скорбей.

Из предельного рождаясь, входит в вечность бытие,
И начала нет у жизни, и конца не видно ей.

Образ твой – свеча и роза, с мотыльком и соловьем:
Мотылька свеча сжигает, розой ранен соловей.

Есть в Лейли, в Ширин твой облик: без Ширин погиб Фархад,
Потерял Меджнун рассудок от любви к Лейли своей.

В этих именах явила ты любовь и красоту,
Стала ты хирманом муки и грозой для страстей.

Только тот тебя достоин, кто пройдет пустыню «я»,
Ибо – кто взыскует жизни, смысл найти обязан в ней.

Говорить о нуждах сердца моего мне нужды нет, –
Что в стране сердец таится, мыслью видишь ты своей.

Ливнем милости пролейся в сад засохший, Навои:
Роза в нем не распустилась и не свищет соловей.

* * *

Украшение золотое над изгибами бровей
Иль звезда и полумесяц – светлый лик красоты твоей?

Это складки покрывала, что по ветру развиты,
Или крылья нежной пери, чтоб лететь ветров быстрей?

Это ветер легких перьев у тебя на голове
Или то кольцо Венеры, что луны и звезд светлей?

Это в зеркале явилось отражение лица
Иль в пруду сверкает солнце блеском огненных лучей?

Вкруг серебряного стана опоясанный платок
Или то дракон обвился, сжавший пояс твой тесней?

Не шипы ли это розы иль, быть может, острие,
Что пронзить тебя готово, о несчастный соловей?

Навои, мне нет надежды на свидание с луной,
Но доступно ль это счастье всем, мечтающим о нем?

* * *

Не в камфарной ли одежде этот кипарис прямой
Иль свеча, что разгоняет ночи мрак передо мной?

Люди ль это в миг убийства клонят головы свои
Или ниц они упали пред такую красотой?

То деревья ль нагибает в поле ветер озорной
Иль пред нежным кипарисом люди клонятся с мольбой?

Глуби взора мое сердце ей подносит, но она
Остается недовольной даже жертвою такой.

К разным странам для набегов на коне летит она
Иль на это сердце хочет тюркской ринуться ордой?

Коль влюбленные уходят в путь пустынею любви,
Цель их – улица любимой иль к Хиджазу путь прямой.

Навои, трудна дорога в чаще локонов густых,
Сердцу спуски и подъемы трудны полночью глухой.

* * *

На лице горит созвездье у красавицы моей,
Иль то сблизился Юпитер с Солнцем в пламени лучей?

Если нет, то это звезды в ожиданье встали в ряд,
Чтобы утреннее солнце наблюдать из-под бровей.

Говорил я: как увидеть мне красу ее лица?
Слез жемчужины нижу я вновь на нить души моей.

Это не роса на розе, но подобие того,
Как в смущеньи прячет роза капли свежести своей.

В цветнике тюльпанов так же ярко градины горят,
Как жемчужные подвески возле щек, что роз алей.

Не гордись же жемчугами – это капельки воды –
Только жемчуг поучений всех нас делает мудрей.

Навои для описанья лика милой брал слова,
Чтоб низать их, словно жемчуг, поучая тем друзей.

* * *

Сердце, полное печали, взял красавиц легкий строй,
Как бутон, что до рассвета сорван детскою рукой.

Сердце бедное осталось в путах локонов твоих,
Как жемчужина меж створок в глубине лежит морской.

У тебя в саду поймали птицу сердца моего,
Как зерном и сетью, кудри с этой родинкой двойной.

Сердце ты мое швырнула в пыль на улице своей,
Люди могут, словно пламя, затоптать его ногой.

Образ твой увидя, разум обезумел, как дитя,
Что рисунок на бумаге вдруг увидело цветной.

В мире подлости немало, почему ж не видит их
Та, что радостью могла бы озарить весь мир земной?

Навои лишен рассудка, это, кравчий, не беда.
Возврати ему рассудок полной чашею хмельной.

* * *

Двух резвых своих газелей, которые нежно спят,
Ты сон развей поскорее, пусти их резвиться в сад.

Ты держишь зубами косы, пусти их и растрепли –

Пускай разнесут по миру души твоей аромат.

Приди в мой дом утомленной с растрепанною косой,
Покорны тебе все звезды, народы у ног лежат.

Открой ланиты, как солнце! Меня заставляла ты
Лить слезы в разлуке – пусть же при встрече они горят!

Желанное обретая, от вздохов я пеплом стал,
Учи, как любить, – внимают тебе Меджнун и Фархад.

Когда сто лет под скалою напрасно ты пролежал,
На синем атласе тело ты вытянуть будешь рад.

Увидев, как горько плачет за чашею Навои,
Подлей ему, виночерпий, забвенья сладчайший яд!

* * *

Любовь к тебе – это пламя, разлука с тобой – огонь.
От боли и от разлуки все время со мной огонь.

Ожоги любви жестоки и, чтобы их облегчить,
Их должен прижечь надежно своею струей огонь.

Любви моей жаркой чаша такие дает пары,
Что сразу овладевает моею душой огонь.

Хотя я в лучах разлуки лью слезы семи морей,
Они в безнадежном сердце зальют ли такой огонь?

Не вынесу я разлуки с рубинами милых уст,
С дыханьем Мессии спорит Марьям молодой огонь.

Соседи мои, вы ночью все будьте настороже –
Сожжет на костре разлуки меня этот злой огонь.

Разлука огнем спалила страну, где я сердцем жил,
Из дыма влюбленным город построил степной огонь.

О гиацинте и розе ты миру не говори,
Жестокое солнце слило с дымящей грядой огонь.

Как быть с Навои, о солнце? Пусть с ним будет то, что есть,

Любовь, ее гнев и милость. Ему стал судьбой огонь.

* * *

Что о муках знают шахи, чей парчой горит наряд?
Что им огненные вздохи, те, что сердце пепелят?

Тот, чей меч обрызган кровью, мук влюбленных не поймет.
Кровь владыки проливают и виновных не щадят.

Лишь смиренным боль понятна, а не тем, кто вознесен,
Непонятно для Парвиза то, что вытерпел Фархад.

В край тоски душа и сердце удалились от меня,
Но за спутниками следом всё шаги мои спешат.

И когда узнают люди, что разлукой я убит,
Пожалеют о несчастном, не вернувшемся назад.

Грусть мою в цепях разлуки в состоянии ли понять,
Все, вкушающие радость, кубки сдвинувшие в ряд?

Разве шахи станут думать о несчастных бедняках?
Навои, к престолу неба обращай свой чаще взгляд.

* * *

Сгорать от меня учился, в огонь летя, мотылек,
Любимая научила свечу, чтобы пламень жег.

Когда, разлученный с пери, в безумье вздыхаю я,
В огне моих вздохов крылья и ангел спалить бы мог.

Могли б отсыреть и звезды от вздохов моей тоски,
А пар моего дыханья завесой бы в небе лег.

Лежащий на царском ложе от ревности бы не спал,
Увидев, что головою я к милой лег на порог.

Но счастьем уж не проснуться, и горьким рыданьем я
От сна беспробудных пьяниц всегда разбудить бы мог.

Волнуюсь я, вспоминая твой стан и волну кудрей,
По тонкому кипарису вползающий ввысь вьюнок.

Бежав от страшилищ-дивов, взял кубок свой Навои,
А вокруг него бродят звери из диких своих берлог.

* * *

В ту ночь моей печали вздох весь мир бы мог свести на нет,
Сорвать в небесном цветнике узор созвездий и планет.

Пришла любимая ко мне, меня отдайте в жертву ей,
А то уйдет, и для меня померкнет тотчас белый свет.

Твердишь ты, сердце, что любовь не должно юности таить.
Но прячу ль тело я в земле, я ль тленья саваном одет?

Для наслажденья мы живем, дыши, пока еще ты жив,
Всё может время поглотить, и сущего исчезнет след.

А разобьется сердце – знай: разлуки каменной обвал
Разбил дом тела моего, стоявший прочно столько лет.

Я б вытерпел разлуки гнет, когда бы знал, что не умру,
Что опечалит смерть моя ее и мир, обитель бед.

Но если сердце ты свое отдашь и в пытках, Навои,
Он не таков, чтоб для других нарушить данный им обет.

* * *

О жестокая, до пепла тело ты мое сожгла,
Строя храм любви, на пепле ты все зданье возвела.

Если ты среди развалин не услышала совы,
Посмотри, как птица сердца душу криком извела!

Шел ко мне Меджнун от вздоха моего занять огня –
Вспыхнул сам и, словно волос, догорел в огне дотла.

Так я слаб в ночи печали, что дохнувшая заря
С улицы любимой тело, словно искру, унесла.

Сердце, жизни не должно ты столь беспечно доверять –
Ты все время пьян, когда же голова твоя светла?

Столько лет уже ресницы ранят сердце Навои,
Стрел своих мишенью дева это сердце избрала.

* * *

Цветком, что счастье нам несет, ты гонишь красоты коня,
Сто македонцев ты томишь жестокой жаждой в зное дня.

Ты каждый вечер пьешь с другим и, чтобы пир свой освещать,
Вновь, как послушную свечу, все время будешь жечь меня.

Ты, небо, ей позволишь меч поднять над шеею моей,
Но я хочу своей рукой ее сразить, свой рок кляня.

Увидеть много может взор, но лучше пери не найдет,
И он опять стремится к ней, воспоминания храня.

Перед цветущей красотой что можешь сделать сердце, ты,
Вот разве чарами спустить к нам с высоты светило дня.

Слезой не гасят сердца жар; дай, виночерпий, чашу мне,
Быть может, погашу вином я силу этого огня.

Пусть обезумел Навои, весть о безумии его
Ты, ветер, к пери донеси, за шутку друга не вина.

* * *

Нет, не от слез кровавых одежда моя красней,
Сгораю с огне разлуки от жарких ее лучей.

Глаза ее, как кяфиры, но – чудо для мусульман –
Лицо они озаряют из-под михраба бровей.

И рот ее орошает источник воды живой,

С бесчисленных роз стекая, он утром росы свежей.

Ты сокола для охоты напрасно бы приучал,
Запуталась птица сердца у милой в волне кудрей.

Когда красавицы просят влюбленных в них о любви,
Все, что бы ты ни сказала, все будет лишь ложь о ней.

Внимательный собеседник за чистой чашей вина –
Вот то, что для наслажденья нам нужно в мире скорбей.

Ты спишь, очей не смыкая, как счастье души моей,
Ты сон Навои украла с бессонных его очей.

* * *

Словно зеркало, сияет лик твой людям разных стран,
В красоте его – вселенной совершенства образ дан.

Если нет нам упоенья от шербета уст твоих,
То и сам источник жизни для души один обман.

Почему весь мир пылает от огня твоих очей,
А Иосиф красотой не смущает Ханаан?

Если б ты не озарила Моисея, как могли б
Белоснежными стать ризы мудреца в семье Имран?

Не подуй над этим миром ветер милости твоей –
Соловей в саду не пел бы розы той, чей цвет багрян.

И когда б благоуханий нежный сад твой не дарил,
Весь ковер существованья был бы лишь из грусти ткан.

В море милости, всевышний, брось безумца Навои,
Потому что в море винном он грехом и хмелем пьян.

* * *

Эти губы – точно розы, на которых нежный мед.
Ими сказанное слово радость слышащим несет.

Милой острые ресницы душу ранили мою, –
И об этом, улыбаясь, мне поведал тонкий рот.

Сердце силой привязал я к сердцу нитями души, –
Уходи скорее, разум, мне не страшен твой уход.

В доме милой не известно, как в разлуке я томлюсь, –
Что о мрачном знает аде тот, кто там, в раю, живет!

Ведь верблюдицу Меджнуна вверг в безумье плач Лейли,
И араба крепкий повод вряд ли бег такой прервет.

Каждый миг не спотыкайся в кабачке, о пьяный шейх, –
Ведь тебя его хозяин мудрецом не назовет.

Не печалься, если в сердце только горечь от людей, –
Своего удела смертный никогда не обойдет.

Навои, перед любимой ты лица не подымай:
Ведь любовь и в униженьи честь и доблесть обретет.

* * *

Птицу-сердце полонила нежных локонов силком,
Стали волосы сетями, стала родинка зерном.

В сердце мне огонь метнула, а сама ушла с другим
И зажгла отныне сердце мне отчаянья огнем.

Веру взяв мою, без веры во дворец вошла сама
И в Хайбар, ислам разрушив, как гроза вошла потом.

На пиру меня отыщет, яд разлуки мне нальет,
А свою наполнит чашу сладким радости вином.

Голубь мой, мое дыханье крылья ангелов сожжет,
Как же весть о страсти другу отнесешь ты под крылом?

Виночерпий! Я в разлуке с солнцем, алым, как вино;
Чашей мне да будет небо – до краев его нальем!

Брось на улицу с позором имя чести, Навои,
С честным именем ты все же сам позорным шел путем.

* * *

Из глаз улетела дева, – когда б душа догнала!
Когда б из моих предплечий вдруг выросли два крыла!

Стрела попала мне в сердце, – ты хочешь ее найти?
Пусть тем же путем мне в сердце вторая войдет стрела.

Когда умру без тебя я, не надо меня судить, –
Меджнун я, и стыд мне в тягость – уж лучше бы смерть пришла.

Ты хочешь, о виночерпий, к сознанию меня вернуть?
Налей до краев мне чашу забвенья добра и зла.

Глава кабачка! Мне чашу отшельник сейчас разбил;
Разбей меня, чтобы счастья судьба ему не дала.

О сердце! Ты стало прахом, – не все ли тебе равно,
Поднимется пыль с дороги иль ляжет там, где легла.

Фальшивого ты дирхема не стоишь, сердце мое,
Но все ж на базаре чувства душа тебя продала.

Душа Навои – цыганка, чья жизнь несчастий полна.
При виде людей Конграта ей душу печаль зажгла.

* * *

Когда сравнение «сахар» предложат твоим устам,
Сама скорей прикуси их, скажи о них правду нам.

Я смелости не имею, чтоб губ коснуться твоих,
Довольствуюсь поцелуем, доступным моим мечтам.

И если я ум теряю от взгляда пери моей,
Какая польза, советчик, идти по твоим путям?

Быть может, когда всевышний задумал создать людей,
Свою мечту о прекрасном в тебе показал он нам.

Когда улыбнулся сахар твоих смеющихся губ,
Учил он сладко смеяться и розы по всем садам.

Но миру, как юной деве, ты сердца не отдавай, –
Мудрец ему сердце не дал, не веря его словам.

Скажи, отчего же дева бежит тебя, Навои?
Ведь нить меж ней и собой давно отыскал ты сам.

* * *

На ее щеке девичьей темной родинки пятно, –
Каплей амбры на горящем угле кажется оно.

В сердце милой вызвал жалость я жемчужною слезой;
Я – купец, и наживаюсь я на жемчуге давно.

Шах на пиршестве печали – кровью плачу, желт лицом, –
Так из кубка золотого каплет красное вино.

Сердце просит подаянья уст твоих, но ты скупа.
Почему хотя б надеждой жить сейчас мне не дано!

Приходи, я буду прахом, попираемым тобой;
Вся душа полна страданья, тело муками полно.

Уничтожь в своем сознании бытие, небытие:
Быть – не быть за гранью жизни, – ах, не все ли нам равно!

Навои! Ужель пророком пьяной музыки ты стал?
Музыкант, играй на лютне! Виночерпий, лей вино!

* * *

Словно роза, этот алый девы молодой халат,
Болью мне сжигает сердце, как огонь, сквозной халат.

Весь окрашен кровью птицы, бьющейся в груди моей,
Облачивший в цвет тюльпана стан ее тугой – халат.

В ночь свиданья опалает крылья каждый мотылек,

Видя на закат похожий в темноте ночной – халат.

Пусть, ведя беседу с розой, не гордится кипарис.
Ветер утра! Эта роза с милым делит свой халат.

Виночерпий! Цвета розы в чашу мне налей вина:
Во дворце не прячут сердце в воздержанья злой халат.

Навои! Иной не надо розы сердцу-соловью:
Ты прижмешь к груди горячей ярко-огневой халат.

* * *

Жизнь без стана-кипариса для меня полна тоской,
Как умру я, посадите кипарис вы надо мной!

На плечах гора разлуки. Я стремлюсь и с грузом к ней,
Не страшна мне эта ноша, пусть я телом – лист сухой.

Я, слабея, эти косы гиацинтами зову,
Ночь длинна больному в марте так же, как и ночь зимой.

Сердце душу к ней ревнует, этой распре нет конца,
Точно так же и богатству мы завидуем порой.

Сотню раз клинок разлуки ты вонзила в грудь мою.
Если рана это довод, сто есть доводов за мной.

Не дивись, коль взором страсти Навои пронзил твой взор, –
Для неверных тот, кто верит, человек всегда пустой.

* * *

Кипарис мой, – ты сказала, – жди меня! – и не пришла.
Я не спал всю ночь, дождался света дня, – ты не пришла.

Поминутно выходил я на дорогу ждать тебя,
Поминутно умирал я, жизнь кляня, – ты не пришла.

Думал я, что опасалась ты соперницы-луны,
Но и в полной тьме забыла ты меня и не пришла.

Я в разлуке с милой пери, как помешанный, рыдал.
Кто смеялся молчаливо, кто – дразня: «Вот, не пришла!»

Издевались: «Что так щедро воду ты струишь из глаз?»
В эту ночь я кровью плакал, ту вина, что не пришла.

Друга нет. Но прах дороги под ногою у тебя –
След красавицы, что клятвы не храня, к нам не пришла.

Навои, хмельною чашей сердца дом развесели:
Где вино – там скорбь не гостья, не родня, – чтоб не пришла!

* * *

Над головой моею осенних дней листопад.
Но что тебе в том? – С тобою весенний ликует сад.

Возможно ль живым остаться, когда ты выйдешь пьяна,
С подколотою полою, тюрбан надев наугад?

Мое изранено тело, и кровь ручьями течет:
Я рвал его сам зубами, все раны мои горят.

Что солнце в пыли – не диво. Но тонкая пыль пушка
На солнечном лике милой чудеснее во сто крат.

С утра в кабачке сижу я, и сделал мне мальчик-маг
Зуннары из кос любимой, как то предписал обряд.

Прекрасен дворец для сердца, но сто опасностей в нем.
В лачуге пьянства свободу и боль обрести я рад.

О Навои, если хочешь спокойствия хоть на миг,
Храни от раздумий сердце и сам не гляди назад.

* * *

Уже белеет голова, да и зубов уж многих нет.
Пора собраться в дальний путь, кончай свои дела, поэт.

Давно ли молодость цвела, а смотришь – старость тут как тут.
Как ни хитри – один конец в долине горьких зол и бед.

Кто, сорок лет давно пройдя, переступил за пятьдесят,
Тот знает, что добра не жди, когда уже ты стар и сед.

Твой посох – тетива, твой стан согбен, как лук; что скоро сам
Стрелой из мира улетишь – других не надобно примет.

Когда со всех шести сторон ожесточились семь небес,
Что пользы шестьдесят тебе иль семьдесят минуло лет.

Известно: молодость – весна, а зрелость – осень. Если так,
То старость сравнивать с зимой поэтам я даю совет.

Увы! Ни осень, ни весна мне счастья больше не сулят.
Пришла моя зима – и в снег, как в саван, я уже одет.

Непоправимо устает от долгой жизни человек!
Сосед сказал: «Сто лет живи!» – тебя он проклял, твой сосед.

Свой путь все люди на земле к забвенью держат, Навои!
Когда стремишься к цели ты, иди и сам за ними вслед.

Часть 3.

Сердце взял мое сын мага, кубки магов срок подать,
Ведь теперь для нас не благо – в праведности пребывать.

Разлучился я с луною, вне себя я быть хочу:
Чаши мне подай, о кравчий, небу вечному под стать.

Нам, кабацким забулдыгам, пить вино разрешено.
В том, кто видит мир в руинах, поселилась благодать.

Кравчий, мы впитали душу жизненного вина,
Но уста усладу пьющих не желают уставать.

Хмель сродни душе и крови, не затем ли мудрый врач,
Кровь пустив, ее частицы склонен «душами» назвать?

Поутру б опохмелиться, да закрыт питейный дом,
Вот и я зову аллаха – «Все способный отверзать!»

Отчего в питейном гомон? Видно, с девушкой-лозой
Навои, подобно пиру, любит шашни затевать.

* * *

От синих язв камней разлуки я погорел средь бела дня,
Гумно мое запылало в ночи от серного огня.

Мою унылую лачугу огонь разлуки озарил,
Из-под ее убогой кровли тьму непроглядную гоня.

На коже родинку и алиф ты, взяв индиго, навела;
И алифы стал вырезать я, и язвы прижигать, браня.

Для стрел ее метою сделал я сердце – и разбогател:
Дороже яхонта отныне стрела любая для меня!

Украшив золотой фольгой обличья роз в моем саду,
Она ушла, осенним тленом цветник весенний осеня.

Спасенья от самодовольства я и мечети не сыщу.
Я в винном кабачке, отшельник, – там и отыщешь ты меня.

О Навои, пятном родимым она мне заслонила свет,
И вот я, раздирая ворот, скриплю каламом, жизнь кляня.

* * *

Сердце кровью из ран обагрить я сумел
И в багряный тюльпан превратить я сумел.

Льдистым взором – рой капель на стрелах твоих –
В градин полную горсть остудить я сумел.

Ту луну, что зеницею ока была,
Чернотой тоски окружить я сумел.

Гнать меня? Просыпаться не стала она!
До утра как собака провыть я сумел.

А узрев пузырьки на поверхности вод,
Нежность уст твоих вообразить я сумел.

Хоть небесная мне и грозила карга,
Козни злобные предотвратить я сумел.

Знак несчастья на желтом лице Навои
Мыслью в желтый тюльпан обратить я сумел.

* * *

О соперники! Вам чаша вожделенья и желанья,
Нам – приют тоски недужной и тревоги расставанья.

Я любовью весь истерзан, тело все в кровавых ранах,
Будто недруги решили, чтоб платил им кровью дань я.

Дом Фархада и Меджнуна – это горы и долины.
Я от их оков свободен в бесприютности скитанья.

В миг, когда младая пери поселилась в сердце мудром,
Обернулись безрассудством все дотошные познанья.

Нет, в душе шалуни этой не вписал я свое я имя:
В ней бесследность, безымянность, отраженье без прозванья.

Я сражен любовью насмерть, но – умри сто мне подобных:
В сердце, ласковом лишь с виду, не отыщешь состраданья!

Старца древнего, о боже, ты смутила мимоходом;
Так пускай пройдет во благе гордость самолюбования!

Все грехи прости, кабатчик, мне, отшельнику дурному:
Мне за зло – добром платил ты с постоянством упования.

Ты про Навои сказала, будто любит он другую:
О творец, бессчетны этих подозрений сочетанья!

* * *

Знайте, что все розы мира – колкости шипов не стоят.

Розоцветных вин кувшины – бед хмельных оков не стоят.

Если шах тысячелетье всей подлунной будет править,
То и мига униженья дни всех тех веков не стоят.

Все отрады в продолжение жизни сотен поколений
И минуты лицемерных властных пустяков не стоят.

Коль сандал или алоэ ты швырнуть захочешь в пламя,
Дым окутает жаровню – и жаркое дров не стоит!

Все манящие в походы царства дальних небосклонов
Едкой пыли от походных грубых башмаков не стоят.

Ежели в любимой близость длится месяцы и годы,
Но соперник есть – услада пары медяков не стоит!

Горний мир небытия ты, Навои, иному миру
Предпочти. Все ласки света двух хромых шажков не стоят!

* * *

Луна в носилках, о постой, постой,
В моих глазах останься на постой!

Твои глаза убийцами слывут,
Но злей их – яд, коварный и густой.

Вздыхать я стал бы у твоих дверей, –
Вздых обернется смертной пустотой!

Я стал Меджнуном у второй Лейли.
Чудак смешон своею простотой.

Не диво, что полудремотных глаз
Полудобычей стал певец простой.

На родинку бы милую взглянуть
И захлебнуться счастья высотой.

О Навои, не думай о себе:
Твой идол полн бесцельной суетой!

* * *

Зеркало становится водою от лица, что темень гонит прочь.
Точно так, как ледяным сосулькам солнца вешнего не превозмочь.

Приподняв платок, ты показала, что равно прелестны лик и стан,
Будто это в самый миг навруза, где спешат сравниться день и ночь!

Коль зашить расселины захочешь – в сердце, обращенном в сто
кусков,

То стрела, сшивающая сердце, станет для тебя иглой точь-в-точь.

Дремлют искорки разлуки в теле, превращенном в неостывший прах,
Будто пламя, что булат из камня высекает, хлещет во всю мочь!

Что ж ты мое сердце изловила, что ж ты столько раз меня гнала:
Ведь бежав из плена, зверь не станет больше до ошейника охоч!

Кравчий, в моем сердце скорбь вселенной, вековечной горестности
дщерь, –

Сделается пусть огонь печали чашею веселия точь-в-точь!

Откажись же от души и тела, Навои, – ведь нет в любви земной
Средства против горестей и жалоб: лишней мукой сердце не морочь!

* * *

Правоверные, слышите вы себялюбца стенанья?
Взвился вопль до небес из страны, где живут мусульмане.

Обещал мне лобзания твой животворный рубин:
Хоть была это ложь, оживили меня обещанья!

Солнце вырвалось ало из ласковых прядей твоих,
Словно птица из плена, безумец – из пут назиданья!

В дни разлуки забыла меня луноликая та:
Если близость найду, позабуду про дни расставанья.

Если в чаше вина отражен мой прелестный кумир,
Нечестивцем я стану, расставшись с той сладкою данью.

Ты, что чести и славы все требуешь от Навои,
Знай – от чести и славы ушел он в земные скитанья.

* * *

Цвет прядей твоих – это амбра иль мускус Китая?
Вкус губ твоих – сахар иль меда струя золотая?

Бесчестья зуннаром не стали ли пряди твои?
Не клонят ли смертные выю, его обретая?

Не сердца ль огнем пламенеет твой жаркий рубин?
Не в чаше ль твоей – роза светится, как огневая?

Сердечной казны не стрела ль твоя стала замком,
Где свежие губы, как перстня оправа литая?

«Хмельного влюбленного я умертвила!» – скажи.
Противились шейхи, но ты их взманила, блистая!

Дехканин, меня в ее сад и цветник не тяни –
Жасмин или роза верней? Вот задача простая!

Как лед ее сердце... Что ж сделаешь ты, Навои:
Издашь ли ты вопль, иль заплачешь, тоски не скрывая?

* * *

Соловей, лишенный розы, умолкает, не поет;
Попугай, лишенный лакомств, красноречье где найдет?

Я твоей любви лишился. Словно пламя – каждый вздох.
Я вздыхаю, опасаясь, чтоб не вспыхнул небосвод.

И за то, что я не плачу, ты не упрекай меня:
Кто давно от скорби умер, разве может плакать тот?

День и ночь молю аллаха – умертви, но не карай!
Лучше потерять мне душу, чем терпеть разлуки гнет.

Вкруг свечи своей улыбки ночью вился мотылек,

Он свечи своей лишился в час, когда заря встает.

Навои с тобой в разлуке птицей безголосой был.
Не лишай раба отныне царственных своих щедрот!

* * *

Стрелы милой полетели в грудь мне, обнаружив путь
Смерти – к сердцу, ну а сердцу входом в жизнь тот служит путь.

Как с окружности высокой к центру линии ведут,
Так с небес несутся стрелы, намечая в душу путь.

Стрелами я весь изранен, горем я пронзен насквозь,
В ливне стрел моя дорога, мой все хуже, хуже путь.

Пусть моей разлуки раны будут, как пути чертеж.
Пусть моей прекрасной пери будет нужен этот путь.

У меня перед глазами ярких уст твоих мечта.
Кровь из глаз моих струится – с мукой дружен этот путь.

Как же в кабачок свиданья, виночерпий, мне пройти? –
Держит молодой и старый в сторону все ту же путь.

Навои, я зашиваю раны на груди своей,
Чтоб осталась пери в сердце, чтобы закрыть наружу путь.

* * *

Недруги меня чернят. Кто подскажет, как мне быть?
Пери, я не виноват. Кто подскажет, как мне быть?

Обижаемый людьми, их обидчиком слыву,
Все в стране меня бранят. Кто подскажет, как мне быть?

Пери – наилучший врач. У меня любимой нет,
Смерти избегу навряд. Кто подскажет, как мне быть?

Я народу нес добро, а народ со мной жесток,
Милостью господь богат – пусть он скажет, как мне быть?

Навои, покину я родину – в родном краю
Ничему уже не рад. Кто подскажет, как мне быть?

* * *

Если б был я быстрым ветром, я б своей любви достиг.
В прах у ног твоих прекрасных уронить хочу свой лик.

Меж камней в пустыне дикой окровавленный тюльпан –
Я камнями милой ранен, я того цветка двойник.

Плачет все, когда я плачу, посмотрите на меня –
Каждый глаз мой полон крови – он кровавых слез родник.

Клюв у ворона как будто красных губ твоих рубин, –
Будто бы к губам любимой хищник в степь любви проник.

Глаз мой – цель, стрела-ресница, целься, целься прямо в глаз,
Чтобы образ нежной пери из жемчужных слез возник.

Небо, красотой своею не торгуй – твоя звезда
Драхмы для слепца не стоит, в темноте он жить привык.

Пишет Навои о пери, рассыпает жемчуг слов,
Пери же в него кидает только камни каждый миг.

Сорок четверостиший

Арбаин Курк Хадис

Причина создания стихов

Хвала, вложившему в уста Посланца Своего,
Слова о мудрости для мироздания всего.

Посланник людям передал прекрасные слова,
Заметив: назидания не праздная молва.

Найдите от невежества в них избавление,
Укрывшись мудростью прибежища учения.

И обретайте в них спасение от муки ада,
Блаженствуя душой своей в раю среди сада.

Да не умолкнет меж людей, хвала величию Его,
И приумножится почтение к Посланцу от Него.

***

Джами – в сиянии вождь людей благочестивых,
Подобен кубку, совершенному от линий зримых,
Он близок мне и правит мною, с тёплой добротой,
К нему склоняюсь я, он и наставник, и учитель и мой.

Наполнен мир всем тем, что он народу написал,
Собрания стихов и сочинёнья в прозе он создал.
От хиджрата восемьсот и восемьдесят шесть лет прошло,
Сказал народ, что вновь Джами сияние возшло.

Нет, это больше дара, «Арбаин» собою удивляет,
Стихи его на языке фарси, святое в прозе украшают.
Безбрежием души все сорок назиданий расцвели,
И сердцем наслаждаясь ими, люди цели достигали.
Но наслаждались люди «Арбаин» лишь на языке фарси,
А турки с пользой постичь стихи те не могли.
Тогда я цель поставил пред собою: для народа моего,
Переложу стихи, не пропустив из «Арбаина» ничего.
И мой порыв сложить стихи на тюркском языке –
Он поддержал как друг, дав благословение мне.
Промчался день в трудах, второй догнал его,
«Чихил хадис» я написал до срока своего.
Цель добрая моя, достигла своего свершения,
Итог – стихи, на них лежит его благословение.

Мой шах, надёжная опора Шариата,
Почтеньем украшающий заветы Мухаммада,
Надеюсь, строки мною сложенных стихов,
Оставят в сердце отпечаток ясных слов.
И с наслаждением святую прозу постигая,
Познает вновь её, стихами правду обретая.
И вслушавшись сегодня в строки назидания,
Поймёт, что стражник преподнёс ему познания.

1

Не является мумином (правоверным) ни один из вас,
Кто ближнему не позволяет то, что позволяет самому себе.

Не будет в жизни правоверным тот из нас,
Кто, в вере получая сотню наслаждений,
Живёт, не позволяя совести своей,
Собрату получать от блага тех же постижений.

2

Всё, что Аллах позволил и запретил, повелел любить и ненавидеть,
совершенствует веру.

Любовь и ненависть, запрет и разрешение,
Всё от Него, и всё Его определение.
Добьётся милости, идущий за Аллахом,
Кто вере предан правоверным украшение.

3

Муслим есть тот, от языка и рук которого муслимы в безопасности.

Кто правоверным хочет стать, лишь душу отдаёт,
Пусть знает: это так немного и почти не в счёт.
Тот истинным по праву мусульманином зовётся,
От дел которого в спокойствии народ живёт.

4

У мусульман не должно быть двух качеств:
скупоści и плохого поведения.

Себя, считая правоверным, над миром жемчуга рассыпь,
Живи, как все, и для народа свечой гори, душой светись.
Скупое сердце – мир без света, и не создание Творца,
Бесчестно то, что не от Бога, копить бесчестие стыдись.

5

Человек стареет, но у него молодеют две черты характера:
Скардность и долгие надежды.

У человека с восхождением к старости своей,
В делах препятствий больше среди дней.
Но два явления в душе всё больше молодеют,
Скупой характер, и мечты, не ставшие бедней.

6

Кто не благодарствует людям, тот не благодарствует Аллаху.

Кто благодарности души Творцу желает принести,
Пусть для начала благодарности народу преподносит.
Кто не живёт без уважения к подобному себе,
Тот и Творцу устами ложь души своей возносит.

7

Кто не милостив к народу, к тому не милостив Аллах.

Себе желая милости Творца,
Дай милости народу – от себя.
Кто милостив к народу не бывает,
Тому и милости Его одна мечта.

8

Мир подвергнут отвержению, и отвергнуто всё, что в нём есть,
за исключением произносимого имени Аллаха.

Весь мир и всё что, связь имеет с ним,
Он проклял и отверг для нашего сознания.
Лишь тот, кто имя Бога произносит,
Живёт по милости Его благодеяния.

9

Прокляты рабы динара, прокляты рабы дирхема.

Хвала, кто чист душой и лишь добро творит,
Не замечая золота и серебра монет не согрешит.
Но проклят, будет тот, кто, став рабом, среди дня,
Перед монетами из золота и серебра не устоит.

10

Движение при омовении увеличивает твою долю.

Кто постоянно омовения себе вершит,
С того и грязь с водою тело покидает.
От чистоты и жизнь в благодеяньях длина,
Ну а печаль тому, кто воду отвергает.

11

Правоверному не причиняют боли из одной дыры дважды.

Почувствовав в укусе зубы близкого тебе,
Не медля расставайся с ним, подумав о себе.
Не жалит правоверного змея, два раза
Познавшего укусы змеи, таящейся в норе.

12

Обещание – долг.

Тот, кто словами что-то обещал,
Обязан выполнить, что сделать намечал.
Ведь обещание не меньше суммы долга –
Так исполняй всё так, как Он нам наказал.

13

Собрания предполагают благонадёжность.

Услышанное в узком обществе людей,
Храни надёжно и по ветру не развей.
Слова из уст предательством взлетев,
К тебе вернуться недоверием людей.

14

Советчик – доверенное (лицо).

Тот кто доверил свой секрет другой душе,
Весь в ожидании хорошего совета.
Но утаит совет лукавый человек,
Укрыв совет в душе без искры света.

15

Выгадывает щедрый.

Раздай, что нажил – в щедрости вся выгода твоя,
Ведь в мир иной имущество с собою не возьмёшь.
Всё то, что ты скопил, оставишь в этой жизни,
И только память благодарную с собою возьмёшь.

16

Долг – порок веры.

Спеши исполнить обязательства свои,
Не украшают совесть все твои долги.
Возврат долгов – закон для правоверных,
Не исполнение их – неверные шаги.

17

Довольствуйся те, что не превышает.

От корысти и жадности избавиться сумей –
Они богатство лишь пороков твоих дней.

Умеренность во всех желаньях хороша,
Она плодит добро безмерностью своей.

18

Утренний сон отклоняет долю.

Кто пред зарёю убежит от сна ночного,
С добра начнёт и милости Его восславит.
А спящий сладко в таинстве рассвета,
Во сне себе желанное добро представит.

19

Гибель щедрости от упрёка.

Услугу, оказав кому-то чем-то где-то,
Ни голосом, ни в мыслях не кричи про это.
Напоминанием услуг обиду порождают –
Ведь скромностью услуга от души согрета

20

Счастлив кто учится у других.

Один от безразличья глупостью цветёт,
Не ведая, что делает и как живёт его народ.
Другой живёт познанием мудрости людей,
Постигший знания народа счастье обретёт.

21

Повторения услышанного достаточно для обретения греха.

Грех разглашать услышанное от людей,
Их тайна не твоя, о ней молчать умей.
Лишь горы вторят эхом чьё-то слово,
За этот грех сердца их из камней.

22

Смерть достаточный наставник.

Смерть матери, отца и горе и беда,
Им блага от Него, и память от тебя.
Но в неизбежном наставленьи тебе,
Без лжи чужих – она не изживёт себя.

23

Лучший человек тот, кто принёс большую пользу людям.

Спросил ты: кто же лучший из людей?
Вниманием к ответу, все сомнения развеи.
Тот лучший, кто живёт заботой о народе,
Делами пользу принося превыше всех людей.

24

Аллах любит равных, живых, весёлых.

Если с народом ты един и сердцем и в словах,
Любовь свою и милости воздаст тебе Аллах.
Начни с улыбки речь свою среди людей,
Открытая для всех душа не вызывает страх.

25

Дарите любя.

Подарки – символ уваженья и признанья,
Таящие в себе тепло сердечного внимания.
Что может превзойти подарок дружбы?
Лишь радость бескорыстного сознания.

26

Пожелай себе добра у приятного внешностью.

О, если вдруг тебя постигала среди дня нужда,
Проси того, кто больше всех приятен для тебя.
Пусть, даже он откажет в помощи – но прежде,
Его увидев, обретёшь покой, желанный для тебя.

27

Редкое свидание – приятный гость.

Чем реже видятся друзья друг с другом,
Тем крепче дружба, встречи красивей,
Стремление к общению порождает
Желание устроить встречу побыстрей.

28

Раскаиваться за свою вину (лучше),
Чем за вину людей.

Сумевшему признать вину свою, хвала,
Поступок равный славе сотни мудрецов.
Признание-занавес, висящий пред глазами,
Он отделяет от тебя чужой вины покров.

29

В желании иметь богатство, так похожи мы,
И получить его с людей надеждой мы живём,
Но лучшее и вечное богатство только то,
Что не от суеты людей, а от Него вне суеты.

30

Кто хочет красиво выглядеть в зеркале ислама,
Тот не допускает недозволенного.

Желает правоверный отражением ислама засиять
И жизнью праведной сияние веры подтвердить.
Не надо жить делами, не угодными и Богу и народу,
Лишь на пути к Аллаху сумеешь отражением стать.

31

Не тот герой, кто победит противника,
Тот герой, кто сдерживает себя в гневе.

Не тот богатырём зовётся, кто богатыря подняв
Над головой, опустит в низ его, с землёй сравняв.
Того признай богатырём, кто, запылав от гнева,
Сумеет выше страсти стать, к земле её прижав.

32

Богат не тот, у кого много имущества,
А тот, кто богаче своего имущества.

Богат не тот, кто в изобилии достатка своего,
Не устаёт от наслаждений в обладании его.
Богат душой лишь тот, кто милостью Творца,
Имеет клад, в котором нет порока для него.

33

Осторожность взамен подозрительности.

Кто, рассуждая здраво, от подозренья отойдёт.
В благоразумных выводах спокойствие найдёт.
О людях думай здраво в рассуждениях своих-
Живи без подозренья, груз оков с тебя сойдёт.

34

Наука не скупа.

Учёный, мудростью цвети, живя своей наукой,

Пусть доля, данная Творцом, тебе не будет мукой.
Имея долю, не мешай идущему к познаниям,
Не ставь преград, а поощряй стремление быть с наукой.

35

Приятные слова уже помощь

Когда не можешь накормить, дав долю от себя,
Тепло и хорошо ответь тому, кто просит у тебя.
Ещё Посланник говорил правдивые слова:
Все добрые слова из уст, как милость от тебя.

36

Чрезмерный смех убивает душу.

Не надо громко хохотать над глупостью любой,
Живое сердце может умереть, не совладав с собой.
Кто осознает это разумом и глубиной души,
Не будет сердцу потакать ненужною игрой.

37

Рай находится у ног матери.

У ног любимых матерей цветы садов из рая,
Как верноподданный любви, живи их охраняя.
И если хочешь в рай войти и сам найти цветы,
У ног пред матерью своей, будь прахом, не вставая.

38

К несчастью приводит слово.

– Кто много говорит, тот и ошибки свои множит –
Так произнёс Валиюллах.
– Какое бы несчастье ни пришло, оно от слов исходит –
Так для себя решил Набиюллах.

39

Не бросай взгляд если она чужая.
Даже если душа твоя, получает удовольствие при этом.

Хотя душа в блаженстве созерцанья пребывает,
Смотреть не смей-красивая она, но не тебе цветёт.
Ведь взгляд запретный, дьявольской стрелой летая,
Всегда яд страсти и порока на себе несёт.

40

Правоверный не может быть сытым, перед ревущими от голода.

Как может сытый, правоверный человек,
Стерпеть страдания голодного соседа?
Со скатерти вам подобает, долю дать в ответ,
От сладкого, похлёбки или от хлеба.

Стихотворные жемчужины

Нозмул Жавохир

1.

Ко дню триумфа, достижения блага не набирай ни золота, ни
серебра,
Во мраке трудностей спасение человеку-его душа в величие добра.
А если не душа, тебе отрада-знай, золото шуршит в отсутствие
добра,
Ведь для людей добро души ценимо, а в золоте-страстей ненужная
игра.

2.

Поддавшись мрачной власти вражеского гнёта,

Рабом предстанешь, птицею, не знающей полёта.
Но вознесёшься милостью, жди и разумного ответа,
Сияньем мудрости своей стань ярче вражеского света.

3.

Пусть на пути отца твоя душа ковром предстанет,
И матери опорой станет твой почтительный поклон.
Свой день начни, и пусть душа в сиянье солнцем станет,
С подарком к старикам успеи-ведь день закатом предрешён.

4.

Кто ремеслом избрал угодливое наполнение желудка,
Свой организм наполняет сором без рассудка.
Желудку в дружбе откажи, призыв его-как злая шутка,
Для воли человека, чрево – враг, и зов его не слушай чутко.

5.

Всегда и горе, и беда цветут от глупых слов,
Язык бедою нам грозит, и тяжестью оков.
Не сдержанный язык – палач, не сдержанным в речах,
Несчастен тот, чья речь порой несёт народу страх.

6.

Устав в пути, войди в тот дом, где все добром цветут,
И скупости покров сорви, коль в дом к тебе войдут.
В молчанье скромном, в тишине, добро добром взойдёт,
Упрёк же разотрёт добро, и с пылью зло прейдёт.

7.

Пусть справедливостью твоей любитесь народ,
И украшение дней твоих, спасёт от всех невзгод.
В фундамент правду заложи, стена не подведёт,

А справедливость вознеси, пусть куполом взойдёт.

8.

Общайся с тем, кто чист душой, и в помыслах хорош,
Желая добрых встреч, иди, коль сам добро несёшь.
С приятной речи день начни, не вызвав в людях дрожь,
Любовь людей к тебе придёт, в ней радость обретёшь.

9.

Тому, кто дарит слуху переливы сладких слов,
Противник может другом стать, среди грохота щитов.
Сердца людей боль чувствуют от грубых, резких слов,
Пленит же слово тёплое, основа всех основ.

Сокровищница мыслей

Причуды детства

Чудесно быть вдвоем, вина с красавицей испив,
Мне та подруга не нужна, чей облик не красив.

Родник живейшей чистоты, столь дивный, мог создать
Лишь сам вершитель красоты, тебя на свет явив.

И жалобы на муки – грех страдающих в любви:
Закон любви не терпит тех, кто слаб и боязлив.

С твоей стези подножный прах – всем ангелам венец, –
Кто был на свете, о Аллах, красой столь горделив!

Так слаб я, что не может грудь и вздоха совершить:
Я не посмею и вздохнуть, себя не погубив.

И я, хоть от невзгод и пьян, в вине не утону:
Ведь тонок мой согбенный стан, как волоса извив.

О Навои, ты хоть и худ, а строй стихов не плох:

Все, кто захочет, в них найдут и рифму и редиф.

* * *

Весна мне – преисподний ад, когда ты не со мной:
Цвет красных роз огнем объят, цвет белых – ледяной.

С тобою врозь весна – что ад, и станет адом рай:
Ведь без тебя и райский сад не расцветет весной.

Твой лик мне видится стократ и застиляет взор,
И слезы облакают взгляд сплошной пеленой.

Мне из твоих медвяных уст горька любая речь:
Хоть сладок плод, а горький вкус в нем чувствует больной.

И сердце просит забытья у сил небытия:
Жестокой дланью бытия гнетет мой путь земной.

Не говори, что наг-раздет несчастный Навои:
И в холод одеянья бед его хранят и в зной.

Несет нам вести небосклон, что шах уж на коне,
Секирою вооружен – недельною луной.

* * *

Каждый раз, как луноликой плыть в ладье придет череда,
Сердце в горести великой, как река, бурлит тогда.

Очи, что ж рыдать в печали, – где пристать теперь ладье,
О каком мечтать причале? Всюду ваших слез вода!

А едва валы заплещут, ветром вздыбленные вдруг,
Сердце, словно ртуть, трепещет, жизнь уходит без следа.

Стихни, сердце, ты – в любимой, а любимая – в ладье,
Очи и душа незримо плачут: ты плывешь куда?

Еле жив я, силы слабы, смертью перехвачен вздох,
Чуть дышу – не уплыла бы, не случилась бы беда!

Брось, оставь сей мир двуличный, в мире сделок пользы нет:

Цены серебра различны, жизнь всегда в цене тверда.

Как ладья несчастий канет в глубь морей небытия,
Пить ладью вина настанет, Навои, твоя чреда.

* * *

О, мне бы сто путей пройти во мгле пустынь небытия,
Пока забвенью обрести от свар людских не смог бы я!

Отдам я золото жизни всей на торжище мирской тщеты,
Лишь бы торгашеских затей не ведала душа моя.

В глуши бы мне покой найти, да только путь туда длинней
Тысячелетнего пути на небо – в горние края.

Ста тысяч сребротелых дев соблазн лукавый позабудь:
Мирской искус их не презрев, вовек не вкусишь забытья.

Все кости в плоть мою впилась и лютой смерти мне грозят:
От них возможно ли спастись, когда столь злы их острия!

Что пользы от кровавых слез, омывших мой шафранный лик?
Жестоки жала красных роз в саду мирского бытия.

Чтобы смести с земли весь люд, потоки слез моих бурлят –
Долиною любви текут, ручьи во все концы струя.

Взгляни, что стало от невзгод с завесою души моей:
Клеймит огнем жестокий гнет остатки ветхого тряпья.

Не прозябай в саду мирском, сбрось его путы, Навои:
Не лучше ль взвиться соловьем, чем жить в гнездовьях воронья!

* * *

«Брось пить вино!» – мне что ни год советчики твердят,
Но льет рука, а пьет-то рот, а я в чем виноват?

Не своевольной силой я, поверь, к вину влеком:
Порукой в том – спина моя, я в немощи горбат.

Меня святоша-пустослов корит за страсть к вину, –
Он не сказал таких бы слов, будь он не глуповат!

Пусть, виночерпий, твой фиал, как факел, светит мне:
Среди святош я заплутал, кромешной тьмой объят.

И от ханжей в притон хмельной ты освети мне путь:
Мне их притворства мрак ночной погибелью чреват.

Паду я головой во прах к порогу погребка, –
Богач и бедный, раб и шах – все в тот притон спешат.

В заветном имени тайком суть ищет Навои:
Кто этим именем влеком – благословен стократ.

* * *

Огнем страданий освещен наш обветшалый дом,
Как будто бы дохнул дракон в проломанный проем.

Для птицы вожделенных встреч опасны зерна слез:
Зерном несчастий не завлечь того, кто ввысь влеком.

Сияньем свет красы облек убогий наш приют,
И в нем горим мы – мотылек вослед за мотыльком.

Как сердце, страстью смятено, осмеивало ум!
Безумное, сожглось оно, играючи с огнем.

Исчезли сон мой и покой от рассказней людских,
А счастье от молвы людской спит непробудным сном.

Меня ты, кравчий молодой, не губишь, а бодришь
Как будто ты живой водой поишь, а не вином.

Стократ наставнику хвала стези небытия,
Сиянию его чела хвалу мы воздаем.

Свое узрел я сердце вдруг среди любящих сердец,
Но ты не вышла к ним, мой друг, их ждал дурной прием.

* * *

Дары мирской тщеты оставь, утрата их – пустяк, не боле,
Цени за благо жизни явь – дар мимолетных благ, не боле.

Жилье построив, звать гостей хозяину – чудное дело:

Он сам ведь гость лишь на пять дней, этот чудной чудак, не боле.

Кичиться силой – похвальба, ничтожная пред жалом смерти,
Она, как жала мух, слаба, и мощь ее никак не боле.

Вступи в чертог небытия: пусть шейхи ханаккой кичатся,
Как торг у скупщиков старья торговля этих скряг, не боле.

Наряд твой золотом расшит, но он не лучше желтой бязи,
Для умного смешон твой вид – потешной спеси знак, не боле.

Пусть солнцем твой венец цветет, а трон твой – словно небо ведай:
Пойдет и солнце на заход, а в небе станет мрак, не боле.

Прекрасно, если властелин внимает помыслам подвластных:
Ведь стаду пастырь – он один, в отаре он – вожак, не боле.

Да быть всегда Балькис женой в дворце высот благоправленья,
Сатурн при ней – лишь страж ночной, хранящий дом-очаг, не боле.

* * *

Когда творил творец сей мир и мир грядущий,
В тебе дал образец он всей природе сущей.

Людей весь сущий род вслед за тобой он создал:
Пылинкам свет дает жар солнца, их влекущий.

Твой свет вовек не влек нетопыря бездумья:
Ведь он не мотылек, летящий к свечке жгущей.

Бог волею своей дал тебе лик, что солнце.
Дал месяцы бровей – дар, все сердца гнетущий.

Твой гнев в любви моей мой ум крушит безумьем,
Как гнев толпы детей, камнями птицу бьющей.

В кого тобою был заронен уголь страсти,
Тому не скрыть свой пыл – жар, долго дым дающий.

Ты средь кривых дорог, куда тебя влек разум,
Ум на стезе сберег, к небытию ведущей.

Перед владыкой сил весь небосвод бескрайний
С росинку мака хил, в ничтожности живущий.

Стал прахом Навои там, где ты ходишь к дому, –
Смешают псы твои его с дорожной гущей.

Редкие дары юности

Чуть раскрывшись, к ночи вянут розы в цветнике мирском,
Дни блаженством нам не станут без вина в саду таком.

Нет ни верности, ни чести, кравчий, в поступи времен,
Верен нам, не кличь всех вместе пить в толчении людском.

В мире только беды сулят людям милость обрести,
А покоя ждешь – да будет путь к нему тобой иском!

Хоть хмелен я в полной мере, старец в погреб дверь закрыл, –
Смилуйся, открой мне двери, о слыvuщий добряком!

Не посмей в делах неправых крови возжелать людской.
Но веселье чаш кровавых любо нам вкусить глотком.

Пусть, о шейх, крушит порухой твердь небесная врагов,
Но да буду с той старухой я вовеки незнаком!

Навои, познай и ведай: хочешь берега достичь –
Ты ладью вина отведай, будь в ней кормчим-вожаком!

* * *

Среди людей я никогда собрата отыскать не мог,
Кому была бы не чужда лихая боль моих тревог.

И чашу всех кровавых мук, поверьте, можно претерпеть,
Когда в беде есть верный друг, который бы тебе помог.

Подобен перстню небосвод, а звезды – камешки на нем,
И в каждой тебя гибель ждет – в них яд тебе он приберег.

Сей мир печалью сокрушен: в ночи рыдая над тобой,
Все поднебесье тьмою он – завесой скорби обволол.

О, мир лукав, его щедрот своим желаньям не жди,
Он лишь на миг тебе сверкнет – увы, лишь на недолгий срок.

Не сыщешь верности, пойми, средь человеческих сынов,
Не думай, что дружа с людьми, ты не познаешь сей порок.

Вот и остра, и ладна речь, а тонкий смысл ее – во вред:
Людей к себе в друзья завлечь не помогает острый слог.

О виночерпий, дай вина, вся плоть моя горит от ран, –
Огнем да гущею со дна мои ты раны бы прижег!

Не диво, что беседный круг столь тешат песни Навои:
Его надсадных стонов звук то густ и низок, то высок.

* * *

Всех горных кряжей тяжелой любви лихая кладь:
Дано великой мощью ей и Каф-гору попать.

Дракон – и тот в степях любви подвластен муравью,
Хотя по силе муравьи драконам не под стать.

В любви сжигают пламена и черствые сердца, –
Так пикам молний мощь дана и кряжи гор пронзать.

Святоша, чужд тебе недуг сгорающих в любви, –
Пугать их жаром адских мук – напрасно слов не трать.

Незримо души жертв своих пронзает меч любви, –
Таит его от глаз людских ресниц лихая рать.

О ты, кого стократ гнетет любовь поклажей мук,
Безропотно всю боль невзгод прими как благодать.

О Навои, не суесловь – жизнь за любовь отдай,
А понапрасну про любовь не надобно болтать.

Чудесные свершения середины жизни

На дивном лике от вина вдруг розы замерцали, –
То завязь роз в росе видна иль отблеск роз в зеркале?

Когда в зеркало глянешь ты и лик свой в нем увидишь,
То – словно бы на гладь воды все блики солнца пали.

В дремоте взор твой колдовской таит все смуты мира,
Очнешься – и весь мир мирской погиб не навсегда ли!

Пунцовый блеск твоих ланит сокроет всех красавиц:

Пылинки, если свет слепит, когда ж видны бывали?

Я, луноликою забыт, навек покину грады:
В пустыню путь тому лежит, кто жизнь влачит в опале.

Вся жизнь печалью полна, им в мире не иссякнуть, –
Дай, виночерпий, мне вина, чтобы забыть печали.

Будь отрешен, как Навои, взыскав единения, –
Все прежние дела твои – не зряшная тщета ли!

* * *

В небесах – голубизна, рдеет в облаках просвет –
Цвет багряного вина, голубого кубка цвет.

Раз небес круговорот нам одним лишь беды шлет,
Чаша мерой с небосвод – нам спасение от бед.

Если мысль твоя, темна, спит и днем во мраке сна,
Выпей алого вина – даже ночью вспыхнет свет.

Позабудем в ложный час мы – людей, а люди – нас,
А испей вина хоть раз – и забвенья нет как нет.

О советчик, жизнь уйдет – значит пить пришел черед:
Кто велит не пить нам, тот бесполезный дал совет.

О святоша из святош! Если единенья ждешь,
Все желанья уничтожь, и тогда лишь ты – аскет.

Навои, рассвет багрян – хмель вкушай, что цветом рдян:
Кем же еще будет дан небесам багряный цвет!

* * *

Слов о любви ввек не изречь дал сам себе зарок я:
От них уберегу и речь, и письменный мой слог я.

Не очаруюсь, слеп и нем, истомными очами,
И видеть лик, желанный всем, мечтою пренебрег я.

Безверию любви не смочь осилить мою веру:
Из сердца идол изгнан прочь – храню души чертог я.

Не ведать бы мне в час ночной хмельных утех с любимой,
Чтоб поутру в тоске хмельной не стал бы одинок я.

И если не стерплю я впредь, зарок любви нарушу –
Насколько хватит сил терпеть, сокрою тот порок я.

О шейх! Любви, как и вину, один исход – разлука, –
В моем зароке не сверну вовек с благих дорог я.

О шах! Смири свой грозный нрав, не жги людские души,
Страшись – мол, как бы, в ад попав, в огне тебя не сжег я.

Зарок, о Навои, упрям: в нем тоже сила долга,
Лишь долга моего друзьям нарушить бы не смог я.

* * *

Мир потому-то и жесток, и прочен в нем порок,
Что он любовью пренебрег и в верности не строг.

И если верности в нем нет, то нет и дива в том:
Незыблемы устои бед – всех мук людских исток.

Кто речь по разуму ведет, тот благо обретет:
Все зрелое для всех доход – равно и плод, и слог.

Все, что извело расцвет, к ничтожеству придет:
Путь шейхов одряхлевших лет к ребячеству пролегал.

Людей порочит грубый нрав, марают их тщетой,
Красивый тоже, грубым став, от красоты далек.

Глупец сокровище найдет и сгубит все зазря, –
Так до трухи истреплет кот и дорогой клубок.

О Навои, ты бы пресек общение с людьми:
Одно – достойный человек, другое – дурачок!

* * *

Не со мною юный мой цветок в тьме чужого сада в эту ночь,
До утра стонал я, одинок, жгла меня досада в эту ночь.

Сто разящих пламенем долин встретили меня в степи разлук,

И, в огонь гоним, я был один среди клубов смрада в эту ночь.

Не пытай меня – мол, что за гнет в сердце обезумевшем моем, –
Муками меня оно убьет – жизнь мне горше яда в эту ночь.

Звезды в помраченных небесах завели со мною разговор, –
Все, о чем мы говорили, – страх нашего разлада в эту ночь.

Если и в сто солнц блеснет рассвет, не пробить ему крошечной
тьмы:

Скорбь моя окутала весь свет пеленою чада в эту ночь.

Что ни миг, я, скорбью одержим, меч смертельных мук в себя вонзал,
Будет ли мучениям моим хоть к утру преграда в эту ночь?

Кличу смерть я: «Милостивой будь, жертва я твоя, избавь от мук,
Все равно мне смерти не минуть – не придет пощада в эту ночь!»

И да будет навсегда забыт блеск рассвета брезжущего дня, –
Судный день зарей да заблестит: я в предверье ада в эту ночь.

Навои, весь гнет лихих скорбей – все, что может мысль собой объять,
Для гибели души моей слать мне небо радо в эту ночь.

* * *

Мне любимой бы дожидаться – я стою, смятенно жду,
Люди – те вблизи теснятся, я – вдали – не на виду.

Та шалунья озорная привечает всех стократ,
Я же, сир, томлюсь, стенаю, за бедой терплю беду.

Люд бежит за ней, собирая прах с пути ее коня,
Прахом лоб свой посыпая, я один вдали бреду.

Для иных, как светоч счастья, рдеет жаром лик ее,
Мое сердце в пламя страсти мотыльком летит в бреду.

Любо в пиршественном круге ей с друзьями ликовать,
Мне ж стенать в моей лачуге жребий выпал на роду.

Раз уж горький хмель разлуки мне свиданья не сулит,
Я, страшась смертельной муки, в винный погребок пойду.

Нужно ль алый хмель в фиалах пить с любимой, Навои?
Лучше уст коснуться алых, жизнь вручая их суду.

Поучительные заветы старости

Древний мир сей – что острог, не лови тщеты мгновенной:
Кто себя к утехам влек – стал рабом неволи пленной.

Тщетно не лелей мечты, чтоб сыскался вход заветный:
Ныне прочно заперты двери тайны сокровенной.

В прихотях людским сынам пользы нет без воздержанья,
Может, будет, только нам нрав дарован не смиренный.

Чужд мне сутью ледяной храм святош – ханжей притворных,
Лучше класть поклон земной пред огнем в молельне брэнной.

Если пить пришел черед, пусть нальет нам виночерпий, –
И без звона струй сойдет барабан обыкновенный.

Если нам не верен дом, осененный правой верой,
К иноверцам мы пойдем на другой конец вселенной.

Жизнь уходит день за днем, будь же добрым и веселым,
Чтобы не жалеть потом об утрате незабвенной.

* * *

Без любимой вино – это яд и отравя:
Или горько оно, или солоно, право.

Подают мне совет – жизнь сложить пред неверной,
А во мне жизни нет, – рассудили бы здраво!

Мне б увидеть твой лик, да соперники злятся:
Нищий к травле привык – зла собачья орава.

И когда твоих уст хмель багряный коснется,
Словно розовый куст, сердце рдеет кроваво.

Я тобою сожжен – сердце дымом чернеет,
Стая черных ворон – мне и казнь, и расправа.

Друг мой, если ко мне прикоснется святоша,
След тот вымой в вине – его хватка лукава.

Навои грустно лег пред жестокой во прахе –
Отдохнуть от тревог беспокойного нрава.

* * *

Мир лукав, он схож с невестой, с ним не заводи бесед:
Как ни холь его, ни пестуй, к людям в нем участия нет.

Льнущий к миру беззаботен: ждет удачи, а она
К одному из многих сотен не придет и за сто лет.

Все вершит он хитрым ладом: залучит тебя в силки,
Думаешь – удача рядом, а глядишь – пропал и след.

В перстне солнца сгустки яда он готовит для людей:
Блеск его – как бы услада, но опасен тот шербет.

Ты оставь эту невесту, в этом мире ты – лишь гость:
Страннику при ней – не место, он – иным местам сосед.

Даже ежели вы двое меж собой недалеко,
Встречей с близкою мечтою ты не будешь обогрет.

Навои, свой дух очисти, с высшей сутью будь един,
Чтобы пут твоей корысти не осталось и примет.

* * *

Кто в долину единенья страстным помыслом влеком,
На коне всеотрешенья пусть он станет седоком.

Но тому не доведется в этот путь коня седлать,
Кто навек не заречется жить в толчении людском.

Должен странник в той дороге отрешиться от всего,
А иначе – без подмоги он в скитальчестве таком.

Милость Друга своей сенью озаряет этот путь,
И дороге к единенью как остаться чужаком!

Ни натугой, ни потугой воли рока не минуть:
Доброму не стать жадюгой, а жадюге – добряком.

Дай испить мне их фиала, кравчий, – душу мне взбодри
И, чтобы полегче стало, лей мне полным черпаком.

Но с минутным оживленьем не смирится Навои, –
Со всечасным обновленьем да пребудет он знаком!

Низамаддин Мир Алишер

Биография

Алишер Навои (Низамаддин Мир Алишер) – родился 09.02.1441 года в г.Герате. Узбекский поэт, мыслитель и государственный деятель. Уже к 15 годам стал известен как поэт, слагающий стихи на двух языках (тюркском и фарси). Автор более 30 сборников стихов, крупных поэм, сочинений и научных трактатов. Умер 03.01.1501 в г.Герате.

Алишер Навои воспитывался при дворе вместе с будущим султаном Хусейном. После воцарения Хусейна он был назначен хранителем печати при султанском дворе. Энциклопедически образованный, он занимался наукой, писал стихи, музыку, рисовал. Как человек государственного ума он видел тяжелую жизнь народа, который терпел лишения, платил бесконечные налоги, терпел голод, переносил разорения войн и набегов... Чтобы спасти народ, Навои временами сам уплачивал за него этот налог в казну. Чтобы дать приют людям искусства он строил для них жилища, где они могли жить и работать. Он строил общежития, больницы, школы, бани, каналы. Он хотел чтобы султан уважал людей из народа и заботился о них. Вскоре деятельность Навои вызвала недовольство султана и озлобление его придворных. Султан любил стихи, но видел, что Навои как министр его не устраивает. Он отправил его в Астрабад, в почетную ссылку.

Преследования врагов продолжались, они хотели уничтожить Навои, отравить его и просили у Хусейна разрешения на это. Тогда Навои сам явился в Герат. К этому времени его известность и любовь народа к нему были так велики, что султан не посмел подписать ему смертный приговор.

Освобожденный от обязанностей султанского министра, он жил в Герате, почти не показываясь во дворце, до самой своей смерти.

В те времена принято было писать на персидском языке, Навои писал по-персидски так хорошо, что мог бы остановиться на этом. Но он не был бы Навои, если бы не был на голову выше своих современников, считая, что стихи, написанные на родном языке – узбекском, поднимают национальную гордость народа, что это громадное дело, государственное дело, что дать литературный язык своему народу – значит намного расширить влияние родного языка, значит доказать, что этот язык обладает всей силой, какой обладают персидский и арабский языки, и еще превосходит их по благозвучию и богатству.

Всю жизнь он посвятил поэтическому творчеству, которое создало ему вечную славу. Он возвеличил людей долга, мирной жизни. Он возвеличивал верность в любви, в дружбе, патриотизм. Действие его поэм происходит в разных странах, герои его поэм принадлежат к разным народам.

Его мечта о великом государстве справедливости была выражена с предельной силой в последней поэме «Стена Искандера», где он попытался изобразить давно придуманный им идеал мудрого правителя.

Все его стихотворения на родном языке были собраны в громадный сборник «Сокровищница мыслей». Все его поэмы были собраны в сборник, который он назвал «Хамса» – «Пятерица».

Первая поэма «Пятерицы» – «Смятение праведных» – это двадцать бесед, каждая кончается притчей на тему, которой посвящена данная беседа. Здесь множество рассуждений о философии, морали, вере, совести.

Во второй поэме – «Фархад и Ширин» – Фархад является человеком свободного труда, высокого духа и подвига, которого не сломит никакая враждебная сила. Он не согнется, он

погибнет во имя этой внутренней свободы. Он пробьет горы и даст воду пустыне. Его Ширин как бы вторая, женственная половина мира человеческой радости.

В поэме «Лейли и Межнун» Межнун предстает в сиянии другого подвига – подвига любви, которой нет выше. Навои «снизил» своих героев, вопреки обычаю того времени, до обыкновенных людей, чтобы тем сильнее раскрыть в обычной драме необыкновенную силу человеческой высшей страсти.

Четвертая поэма «Семь планет» – пестрая вереница рассказов, целый мир красочных, переплетающихся сюжетов и удивительных стихов. Но над всей этой живописной панорамой стоит образ обаятельной, талантливой Диларам и обреченного на гибель несдержанного в страстях, слепого расточителя чувств Бахрама.

Библиография

Диваны

1. «Ранний Диван» «Илк Диван», 1465 – 1466.
2. «Начала творчества» «Бадоеъул Бидоя», 1465/66 – 1480/81 гг.
3. «Редкости творчества» «Наводирун нихоя», ~1480 гг.
4. «Сокровищница мыслей» (Чор девон) «Хазойинул маоний», 1492 – 1498/99
  - «Чудеса детства» «Гаройбус Сигар»
  - «Редкости юности» «Наводируш – шабоб»
  - «Диковины среднего возраста» «Бадоеъул – васат»
  - «Полезные советы старости» «Фавойидул кибар»
5. «Диван Фани» Девони Фоний», 1496 (на фарси)
6. «Хамса»
  - «Смятение Праведных» «Хайратул аброр», 1483
  - «Лейла и Меджнун» «Лайли ва Маджнун», 1484
  - «Фархад и Ширин» «Фарход ва Ширин», 1484
  - «Семь планет» «Сабъаи Сайёра», 1485
  - «Стена Искандера» «Садди Искандарий», 1485

Поэтические произведения

7. «Язык птиц» «Лисонут – тайр», 1498/99
8. «Сорок хадисов» «Чихл хадис», 1481/82

Проза.

Дидактические и философские произведения

8. «Собрание избранных» «Мажолисун – нафоис», 1491/92 – 1498/99
9. «Суждение о двух языках» «Мухокаматул-лугатайн», 1499
10. «О стихотворных размерах» «Мезонул Авзон», 1492
11. «Книга о проблемах» «Рисолан муаммо», 1492
12. «Влюбленные сердца» «Махбубул кулуб», 1500 – 1501
13. «Пятеро смятенных» «Хамсатул мутахаййирин», 1492/93 – 1495/96

14. «История Саида Хасана Ардашер» – «Холоти Сайид Хасан Ардашера», 1490/91
15. «История Пахлавана Мухаммада» – «Холоти Пахлавон Мухаммад», 1491/95
16. «Избранные письма» «Муншаот», 1491/92
17. «Вакфия», 1481/82
18. «История пророков и царей» – «Тарихи анбиё ва хукамо», 1485 – 1498/99
19. «История иранских царей» «Тарихи мулуки Ажам», 1485 – 1498/99
20. «Жемчужины поэзии» «Назмул Жавохир», 1485
21. «Дуновенье любви» «Насоимул-мухаббат», 1495/96
22. «Свет мусульман» «Сирожул муслимин», 1499/1500
23. «Муножотнома», 1499/1500
24. «Избранные персидские письма» «Форсий Муншаот» (Избранные письма на фарси)
(рукопись не найдена и год до сих пор не определен)
25. «Четыре времени года» «Фусули Арбаз»
(рукопись не найдена и год до сих пор не определен)